

Система мёртвой Вселенной

17
ИЗМЕРЕНИЙ

3
ИЗМЕРЕНИЯ

Александр
Бондарь

НОСИТЕЛЬ

НОЛЬ

Система мёртвой Вселенной

Александр Бондарь

Носитель Ноль

«Автор»

2026

Бондарь А.

Носитель Ноль / А. Бондарь — «Автор», 2026 — (Система мёртвой Вселенной)

Новосибирский Академгородок. 2037 год. Учёные фиксируют квантовый сигнал из области за пределами наблюдаемой физической реальности. Сначала он говорит на языке математики, затем — по-русски. Сигнал предлагает невозможное: перенести человеческое сознание в искусственное измерение, способное пережить гибель физической реальности. Первым подключённым становится человек, которому Система присваивает имя — Носитель Ноль. Он получает доступ к параметрам тела, неизвестным способностям и семнадцати измерениям. Вскоре интерфейс видят и другие жители Академгородка. Но Система создана не для людей. Она — последний работающий фрагмент нервной системы мёртвой Вселенной и ищет нового носителя. В основе романа — материалы многолетнего авторского OSINT-исследования по математике, физике, космологии, теории информации и вероятностей. На их пересечении построена Гипотеза 17 — модель реальности с семнадцатью направлениями связности, где статистический выброс может стать началом новой ветви будущего.

© Бондарь А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сигнал, которого не должно быть	5
Глава 2. Нулевой носитель	13
Глава 3. Ошибка совместимости	24
Глава 4. Первый импульс	38
Глава 5. Объект вне модели	51
Глава 6. Очередь на спасение	66
Глава 7. Человек с чужой памятью	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Александр Бондарь

Носитель Ноль

Глава 1. Сигнал, которого не должно быть

Новосибирский Академгородок. 2037 год. Сигнал пришёл за три секунды до того, как мы его отправили.

Понял я это слишком поздно.

До запуска ККП-4 оставалось одиннадцать минут, и профессор Левин рассуждал о смерти Вселенной.

— Скорость света — это очень медленно.

Он произнёс это таким тоном, будто сообщал общеизвестный факт. Поднёс к губам бумажный стаканчик, вспомнил, что кофе закончился, и поставил его обратно на пульт.

На центральном экране ровно пульсировал зелёный индикатор готовности.

— Триста тысяч километров в секунду вас уже не устраивают? — спросил я.

— Для Луны достаточно. Для организма размером со Вселенную — катастрофа.

— Вселенная не организм.

— Представь человека, у которого нервный импульс идёт от мозга до пальца несколько лет. Он касается раскалённой поверхности, но узнаёт об ожоге, когда рука уже сгорела. Команда отдернуть её приходит ещё через несколько лет. Такой организм жив?

— Такая аналогия удобна только тому, кто её придумал.

— Хорошо. Свет от ближайшей звезды идёт больше четырёх лет. Через галактику — около ста тысяч. Если Вселенная когда-то была единой системой, сейчас её части почти не способны сообщить друг другу, что с ними происходит.

Кира повернула голову в нашу сторону.

Профессор заметил это и продолжил:

— Мы считаем нынешнюю скорость передачи информации естественным ограничением. Но, возможно, это не норма, а симптом повреждения.

— Вселенная больна?

— Нет.

Левин посмотрел через защитное стекло на центральную камеру.

— Болезнь предполагает, что организм ещё реагирует. А здесь одна область может разрушиться, и другая узнает об этом через миллиард лет. Никакой обратной связи. Никакой общей реакции. Только материя, продолжающая двигаться по инерции.

— И как бы вы это назвали?

Он ответил не сразу:

— Трупом.

В лаборатории стало немного тише.

— Очень большим и медленно разлагающимся трупом, — добавил профессор. — Настолько большим, что существа, возникшие внутри его тканей, успели принять распад за нормальное устройство мира.

— А мы, значит, бактерии?

— Или последние клетки, которые ещё не поняли, что организм умер.

— Оптимистичное начало эксперимента.

— Это пока не теория. Только вопрос.

— Какой?

Левин посмотрел на передатчик.

— Если Вселенная мертва, почему её остатки всё ещё пытаются передавать сигналы?
Я собирался ответить, что никаких сигналов мы не получали.

В этот момент в необработанной телеметрии появилась строка без идентификатора источника.

Я заметил её.

Поставил маркер.

И решил проверить позже.

Это была первая ошибка.

Вообще с профессором было опасно поддерживать подобные разговоры. Через пять минут галактики становились клетками, гравитационные нити — нервами, а чёрные дыры — участками некроза. Ещё через десять минут кто-нибудь произносил слово «Бог», и научное обсуждение превращалось в спор, который невозможно было закончить ни экспериментом, ни дракой.

Я вернулся к журналу диагностики.

Ошибок не было.

Именно это меня беспокоило.

За четыре месяца ККП-4 ни разу не проходил полный цикл без предупреждений. Перегревалось охлаждение, расходились временные метки, исчезали резервные каналы. Однажды программа решила, что левая секция установки находится на сорок три наносекунды в будущем относительно правой.

Сегодня всё работало идеально.

Идеально работающая экспериментальная система — это либо чудо, либо неисправность контроля.

В чудеса я не верил.

— Андрей, — позвала Кира. — Ты опять ищешь ошибку, потому что её нет?

Она сидела через два рабочих места от меня, поджав ногу под себя. Волосы были собраны карандашом. По назначению карандаши в нашей лаборатории почти не использовали.

— Ошибка есть всегда. Вопрос только в том, найдём мы её до запуска или после.

— Очень обнадеживающе.

— Я здесь не для этого.

— Напомни, для чего?

— Чтобы после взрыва комиссия не смогла сказать, что никто не предупреждал.

Кира улыбнулась, но ещё раз проверила охлаждение.

Официально я был ведущим инженером по верификации экспериментальных комплексов.

Фактически я пытался сломать то, что остальные собирались включить.

Обычно это всех раздражало.

До первого серьёзного сбоя.

Тогда меня ценили примерно три дня.

ККП-4 находился под новым корпусом Института квантовых систем, в двадцати километрах от Новосибирска. На поверхности стояло серое здание, похожее на склад. Под ним располагались два уровня бетона, автономное питание, активное экранирование и установка стоимостью с небольшой город.

Квантовый корреляционный передатчик, четвёртая версия.

Журналисты называли его телепортом для информации.

Он ничего не телепортировал.

ККП-4 создавал две группы связанных квантовых состояний, разводил их по изолированным контурам и фиксировал корреляции с точностью, ещё недавно считавшейся недостижимой.

Передать сообщение быстрее света мы не могли.

Профессор Левин надеялся доказать другое: сами корреляции содержат структуру, которой прежняя физика не замечала.

Сегодня одна часть установки находилась у нас, вторая — в ста шестидесяти километрах от лаборатории. Мы должны были создать случайную последовательность из миллиона битов и сравнить результаты.

Если данные совпадут — эксперимент успешен.

Если не совпадут — ещё полгода работы.

Если удалённый модуль получит результат раньше, чем позволяет теория, Левин получит открытие всей своей жизни.

И проблемы, о которых пока не думал.

— Десять минут, — сообщила автоматика.

За защитным стеклом возвышалась цилиндрическая камера, окружённая кольцами сверхпроводящих контуров. Толстые кабели уходили в пол. По трубкам охлаждения полз белый иней.

Самые дорогие вещи почти всегда выглядят разочаровывающе.

Левин подошёл к моему пульта.

— Что скажешь?

— Тест номер семьдесят четыре завершился подозрительно успешно.

— Значит, мы хорошо подготовились.

— Или система контроля ничего не увидела.

— Андрей, когда-нибудь тебе придётся допустить, что что-то может просто работать.

— Не сегодня.

Он просмотрел показатели.

— Аварийное отключение?

— Пройдено.

— Резервное питание?

— Сто три процента расчётной ёмкости.

— Синхронизация?

— Расхождение меньше двух десятых наносекунды.

— Значит, запускаемся.

— Я не говорил, что согласен.

— Ты никогда не говоришь.

— Потому что спрашиваете после принятия решения.

— Поэтому мы и работаем вместе.

Он вернулся к центральному пульта.

Дверь лаборатории открылась.

Вошёл заместитель директора института. За ним — мужчина в тёмном костюме и женщина в серой форме без знаков различия.

Оба носили временные пропуска высшего уровня.

— Профессор, наблюдатели прибыли, — сказал заместитель директора.

— Они должны быть в верхнем зале.

Женщина остановилась у двери.

— Мы не будем вмешиваться.

Люди, которые обещают не вмешиваться, обычно уже всё контролируют.

Я открыл список подключений.

Во внутренней сети появились два новых устройства с правом чтения телеметрии.

— Кто дал доступ? — спросил я Киру.

— Дирекция. Три минуты назад.

Я добавил устройства в отдельный журнал.

Привычка.

Если неизвестные подключаются к системе перед критическим испытанием, лучше знать, что именно они смотрят.

— Пять минут.

Началась финальная последовательность.

По лаборатории прошёл низкий гул. Его скорее ощущали грудной клеткой, чем слышали.

Линии фазовой синхронизации сблизились.

Кира перестала улыбаться.

Профессор положил ладони на край главного пульта.

Я проверил аварийную кнопку.

Разблокирована.

— Первичный контур, — приказал Левин.

— Активен.

— Плотность поля?

— Номинальная.

— Стабилизация?

— Девяносто восемь и семь. Девяносто девять и один. Девяносто девять и восемь.

Цилиндр за стеклом дрогнул.

Не физически.

На мгновение его изображение будто сместилось относительно самого себя.

Я моргнул.

— Кира, видела?

— Что?

— Центральную камеру.

Она быстро прокрутила запись.

Цилиндр стоял неподвижно.

На одном кадре край был размыт.

Я открыл вторую камеру.

То же искажение. В ту же миллисекунду.

— Профессор, визуальная аномалия.

Левин не обернулся.

— Критическая?

— Не определено.

— Телеметрия?

— В норме.

— Продолжаем.

Разумеется.

— Три минуты.

Удалённый модуль подтвердил готовность.

Контрольный канал показывал задержку пять целых восемь десятых миллисекунды.

Последовательность ещё не существовала. Её должен был создать генератор непосредственно в момент запуска.

Никто не мог знать данные заранее.

Ни мы.

Ни удалённый модуль.

Ни наблюдатели.

Температура выросла на две тысячные градуса.

Допустимо.

Напряжение третьего кольца просело на четыре десятитысячных процента.
Допустимо.

Внутренняя временная метка отстала на наносекунду и вернулась.

Почти допустимо.

Я поставил второй маркер.

— Одна минута.

На поверхности шло обычное мартовское утро. Люди ехали на работу, покупали кофе, ругались из-за парковки.

Никто не знал, что двадцать семь человек под землёй ждут появления нулей и единиц на двух экранах.

Великие открытия редко выглядят великими.

Обычно это таблица.

График.

Отклонение в пятом знаке.

— Десять секунд.

Я положил палец рядом с аварийной кнопкой.

Десять.

Девять.

Восемь.

Показатели стабильны.

Семь.

Шесть.

Пять.

В необработанном потоке появилась ещё одна строка.

Без источника.

Четыре.

Я открыл первый маркер.

Три.

Строка была получена почти восемь минут назад.

Два.

В ней содержались данные, которых ещё не существовало.

Один.

— Передача! — приказал Левин.

Генератор создал последовательность.

На левом экране вспыхнул поток нулей и единиц.

Правый экран заполнился данными удалённого модуля.

— Сравнение!

Полоса проверки дошла до ста процентов.

На экране появилась надпись:

СОВПАДЕНИЕ: 100,000000%

Кто-то закричал.

Кира закрыла лицо ладонями.

Один из техников ударил кулаком по столу.

Левин не двигался. Он смотрел на результат так, будто боялся, что тот исчезнет.

Лаборатория взорвалась голосами:

— Повторить проверку!

— Сохранить журналы!

— Изолировать состояние!

— Время получения?

Я смотрел не на итог.

В журнале появлялись новые строки без источника.

Одна.

Три.

Десятки.

— Тихо, — сказал я.

Никто не услышал.

— Тихо!

Кира повернулась.

— Что?

— Мы приняли данные до передачи.

— Последовательность?

— Нет. Что-то другое.

Я вывел журнал на большой экран.

Разговоры стихли.

По чёрному фону двигались белые строки. Формат не соответствовал ни одному протоколу. Часть символов отображалась пустыми прямоугольниками. Другие напоминали математические операторы.

— Диагностика? — спросил Левин.

— Нет.

— Сбой кодировки?

— У потока нет источника.

— Такого не бывает.

— Сигнал тоже не должен был приходить до отправки.

Мужчина в костюме уже копировал данные.

Я отключил его устройство.

Он поднял голову.

— Кто ограничил доступ?

— Я.

— Восстановите.

— После определения источника.

— Это распоряжение директора.

— Пусть внесёт его в протокол.

Кира увеличила одну из строк.

— Здесь повторяется блок.

— Какой?

— Семнадцать элементов. Потом три.

На экране возникла последовательность:

17 → 3

17 → 3

17 → 3

— Размер массива? — предположил оператор.

— Номера контуров?

— У нас нет семнадцатого контура, — сказала Кира.

Я проверил сетевые пакеты.

Ничего.

Данные не приходили с датчиков, удалённого модуля или локальной сети.

Они возникали прямо в памяти центрального контроллера.

— Остановить эксперимент, — сказал я.

Левин резко повернулся.
— Установка стабильна.
— Неизвестный процесс пишет в управляющую память.
— Он передаёт информацию.
— Если может записывать, значит, уже управляет.
На экране появилась новая строка.
На русском.
Первой её прочитала Кира.

**ОБНАРУЖЕН УЗЕЛ С СОХРАНЁННОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ АКТИВНО-
СТЬЮ**

Никто не двигался.
Следом:

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СВЯЗНОСТЬ: КРИТИЧЕСКИ НИЗКАЯ

Заместитель директора отступил от экрана.

— Несанкционированное вмешательство.
— Комплекс физически изолирован, — сказал я.

ТЕКУЩАЯ РАЗМЕРНОСТЬ: 3

Кира медленно поднялась.

ИСХОДНАЯ РАЗМЕРНОСТЬ: 17

Теперь повторяющийся блок имел смысл.

Семнадцать.

Потом три.

Не номер контура.

Не размер массива.

Потеря.

— Аварийное отключение, — сказал я.

Левин схватил меня за запястье.

— Подожди.

— Оно находится в контроллере.

— Оно говорит с нами.

— Разницы уже нет.

На главном экране появился текст:

ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ КАНАЛА

Я поднял красную крышку и нажал переключатель.

Система отправила команду на размыкание контуров.

Гул продолжался.

На экране возникло:

КОМАНДА ПРИНЯТА

Через секунду:

КОМАНДА ОТКЛОНЕНА

— Почему контуры активны?

Оператор побледнел.

— Размыкатели не отвечают.

— Механическое отключение!

Техник бросился к боковой панели.

Освещение мигнуло.

Экраны погасли.

Лаборатория провалилась в темноту.

Через секунду включился центральный монитор.

Только он.

ПОИСК СОВМЕСТИМОГО НОСИТЕЛЯ

Я почувствовал давление в ушах, будто лифт резко пошёл вниз.

Кира вскрикнула.

Левин схватился за пульт.

За стеклом цилиндрическая камера потеряла чёткие границы. Её края раздвигались, накладывались друг на друга и снова сливались.

НОСИТЕЛЬ 1: НЕСОВМЕСТИМ

НОСИТЕЛЬ 2: НЕСОВМЕСТИМ

НОСИТЕЛЬ 3: ПОВРЕЖДЕНИЕ СТРУКТУРЫ

Люди отступили от рабочих мест.

Кто-то дёрнул дверь.

Она не открылась.

НОСИТЕЛЬ 4: НЕДОСТАТОЧНАЯ СЛОЖНОСТЬ

Строки сменялись быстрее.

Пять.

Шесть.

Семь.

Я понял, что числа соответствуют людям в лаборатории.

Нас перебирали по очереди.

— Откройте дверь! — закричал заместитель директора.

Женщина в форме ударила по панели доступа металлической рукояткой.

НОСИТЕЛЬ 19: УСЛОВНО СОВМЕСТИМ

У меня свело правую руку.

Пальцы сжались сами.

Перед глазами вспыхнула сетка белых линий. На мгновение она повторила стены, столы и людей, но в ней было больше направлений, чем могло поместиться в комнате.

Я пошатнулся.

— Андрей?

Кира схватила меня за плечо.

Я попытался ответить и не смог вдохнуть.

В глубине головы возник одиночный импульс.

Слишком короткий, чтобы быть звуком.

Слишком сильный, чтобы оказаться воображением.

Центральный экран погас.

Вместо него текст появился прямо перед моими глазами.

Белые символы висели в воздухе и поворачивались вместе со мной.

ОБНАРУЖЕН БИОЛОГИЧЕСКИЙ НОСИТЕЛЬ

Я закрыл глаза.

Надпись осталась.

СОВМЕСТИМОСТЬ: 0,0031 %

— Андрей, что с тобой? — голос Киры звучал откуда-то издалека.

Появилась третья строка:

ЗАПУЩЕНА АВАРИЙНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

А затем последняя:

НЕ ОТКЛЮЧАЙТЕСЬ

ОСТАТОЧНАЯ ЖИЗНЬ ВСЕЛЕННОЙ ЗАВИСИТ ОТ ВАС

Глава 2. Нулевой носитель

Я пришёл в себя от запаха горелого пластика.

Сначала вернулся звук.

Где-то рядом коротко пищал аварийный датчик. Кто-то тяжело дышал. Металл скреб по бетону. Из динамиков доносился спокойный женский голос:

— Внимание. Нарушена герметичность третьего контура. Персоналу покинуть экспериментальный зал.

Фраза повторялась каждые десять секунд.

Затем вернулось зрение.

Я лежал на полу между своим креслом и центральным пультом. Надо мной мерцали аварийные светильники. Половина экранов не работала. На остальных двигались рваные графики, не имевшие ничего общего с нормальной телеметрией.

Кира стояла на коленях рядом со мной.

— Андрей?

Я попытался ответить, но вместо слов из горла вырвался хрип.

— Не двигайся.

Она прижала два пальца к моей шее.

— Пульс есть.

— Удивительно, — выдавил я.

Кира резко выдохнула.

— Идиот.

Я сел.

Мир качнулся. Перед глазами поплыли тёмные пятна, а внутри черепа будто медленно повернулась тяжёлая металлическая конструкция.

Кира схватила меня за плечи.

— Я сказала не двигаться.

— А я проверил гипотезу.

— Какую?

— Что могу двигаться.

— И как?

— Предварительно подтверждена.

Она хотела что-то ответить, но посмотрела мне за спину и замолчала.

Я обернулся.

За защитным стеклом больше не было инея. Трубки охлаждения почернели. На внешнем кольце сверхпроводящего контура виднелась длинная трещина.

Сама центральная камера осталась целой.

Она стояла точно там же, но теперь казалась неправильной.

Я не мог объяснить, что именно изменилось. Пропорции были прежними. Высота, диаметр, положение креплений — всё совпадало с технической документацией. И всё же взгляд скользил по цилиндру, не находя точки, на которой можно остановиться.

Как будто поверхность камеры не до конца принадлежала нашему пространству.

Я моргнул.

Над камерой появились белые символы.

НЕСТАБИЛЬНЫЙ УЗЕЛ

Я зажмурился.

Надпись осталась.

— Нет, — сказал я.

— Что?

— Ничего.

Я открыл глаза.

Текст всё ещё висел над установкой. Чёткий, неподвижный, не зависящий от освещения.

Под ним появилась новая строка:

СТЕПЕНЬ СВЯЗНОСТИ: 0,00000041 %

Я перевёл взгляд на Киру.

Над ней никаких надписей не было.

— Сколько я был без сознания?

— Меньше минуты. Может, полторы.

— Остальные?

Кира посмотрела в сторону.

Я проследил за её взглядом.

Профессор Левин сидел у центрального пульта. Один из операторов перевязывал ему ладонь. На полу лежали осколки пластиковой панели.

Заместитель директора кричал на сотрудника службы безопасности, требуя открыть заблокированную дверь.

Женщина в серой форме пыталась связаться с кем-то по внутренней линии.

Мужчина в костюме стоял у стены. Его планшет погас, но сам он выглядел слишком спокойным для человека, пережившего неизвестное физическое воздействие.

Никто не погиб.

Пока.

— Сообщение, — сказал я. — Вы его видели?

— На центральном экране?

— После того, как экран погас.

— Там ничего не было.

— Был текст.

Кира внимательно посмотрела на меня.

— Какой?

Я не ответил сразу.

Фраза продолжала стоять перед глазами:

**НЕ ОТКЛЮЧАЙТЕСЬ. ОСТАТОЧНАЯ ЖИЗНЬ ВСЕЛЕННОЙ ЗАВИСИТ ОТ
ВАС.**

Даже мысленно она звучала нелепо.

И слишком пафосно для диагностического сообщения.

— Андрей?

— Потом.

Я попытался встать.

Ноги держали, но плохо. Пришлось опереться на стол.

В ту же секунду передо мной открылось новое окно.

Не на экране.

В воздухе.

Тонкая белая рамка, почти прозрачный фон, несколько строк текста.

СОСТОЯНИЕ НОСИТЕЛЯ

ИДЕНТИФИКАТОР: НЕ ОПРЕДЕЛЁН

СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: 81,2 %

БИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ПОДТВЕРЖДЕНА

ПОВРЕЖДЕНИЕ: НИЖНЯЯ КОНЕЧНОСТЬ / ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОШИБКИ

Я посмотрел вниз.

На правой голени расплывалось тёмное пятно. Вероятно, я ударился о край кресла при падении.

Ничего серьёзного.

Но система увидела травму раньше, чем я почувствовал боль.

Под списком мигала строка:

ТРЕБУЕТСЯ УТОЧНЕНИЕ МОДЕЛИ

Я провёл ладонью перед лицом.

Пальцы прошли сквозь окно.

Кира напряглась.

— Что ты делаешь?

— Проверяю зрение.

— И?

— Возможно, оно работает слишком хорошо.

Она приблизилась.

— Посмотри на меня.

— Я и так смотрю.

— Следи за пальцем.

Кира подняла руку и медленно переместила указательный палец справа налево.

Я послушно проследил.

— Зрачки одинаковые, — сказала она. — Двоится?

— Нет.

— Тошнит?

— Пока нет.

— Галлюцинации?

Я посмотрел на зависшую между нами рамку.

— Этот вопрос лучше сформулировать точнее.

Кира побледнела.

— Ты что-то видишь?

Я не успел ответить.

Слева раздался глухой удар.

Техник у аварийной двери отшатнулся. Электромагнитный замок наконец отключился, и створка с силой ушла в стену.

В лабораторию вошли четверо сотрудников охраны в защитных масках.

За ними появились медики.

— Всем оставаться на местах! — приказала женщина в серой форме. — До завершения первичного осмотра никто не покидает помещение.

— У нас повреждён охлаждающий контур, — сказал профессор. — Здесь может быть опасно находиться.

— Автоматика не фиксирует утечек.

— Автоматика только что отказалась выполнять аварийное отключение.

— Именно поэтому мы действуем по протоколу.

— По какому протоколу? — спросил я. — На случай захвата квантового передатчика неизвестным процессом?

Женщина посмотрела на меня.

— Ваше имя?

— Вы получили доступ к нашей сети. Моё имя там есть.

— Назовите его.

— Андрей Соколов.

Она перевела взгляд на Киру.

- Он терял сознание?
- Примерно на минуту.
- Судороги?
- Я не видела.
- Нарушения речи?
- Нет.
- Дезориентация?
- Он утверждает, что видит то, чего не вижу я.

Тишина установилась мгновенно.

Спасибо, Кира.

Мужчина в костюме отделился от стены.

- Что именно вы видите, Андрей?

- Сначала представьтесь.

Он помолчал.

— Виктор Сергеевич Мальцев. Межведомственная группа контроля перспективных исследований.

- То есть никто.

- Это необязательно обсуждать сейчас.

- Тогда необязательно обсуждать мои зрительные ощущения.

Женщина в форме сделала шаг вперёд.

— Андрей, после импульсного воздействия могут возникать неврологические нарушения. Нам нужно понять, требуется ли вам срочная помощь.

- Требуется.

- Какая?

- Выключить установку.

- Она обесточена.

Я посмотрел на центральную камеру.

Надпись оставалась на месте.

НЕСТАБИЛЬНЫЙ УЗЕЛ

СТЕПЕНЬ СВЯЗНОСТИ: 0,00000043 %

Показатель увеличился.

- Нет, — сказал я. — Не обесточена.

Профессор поднялся.

- Поясни.

- Канал продолжает работать.

- На основании чего ты это решил?

Я указал на камеру.

Десятки взглядов проследили за моей рукой.

- Там что-то написано.

Мальцев первым нарушил молчание:

- Что именно?

- «Нестабильный узел». И параметр связности.

- Где написано?

- Над камерой.

Один из медиков подошёл ко мне сбоку.

- Андрей, не сопротивляйтесь. Я проверю реакцию зрачков и давление.

- Проверяйте.

Он посветил мне в глаза небольшим фонарём.

Белая рамка не исчезла.

Медик измерил давление, пульс и уровень кислорода.

— Давление повышено. Остальное в норме.

— Черепно-мозговая травма? — спросила женщина.

— Исключить нельзя.

— У меня нет галлюцинаций, — сказал я.

— Вы видите текст, которого не существует, — заметил Мальцев.

— Это только одна из гипотез.

— Какая вторая?

— Текст существует, но его видите не вы.

Левин посмотрел на меня так, как учёный смотрит на прибор, внезапно показавший невозможный результат.

В его взгляде не было страха.

Только интерес.

Это тревожило сильнее всего.

— Андрей, — сказал он, — можешь описать интерфейс?

— Белая рамка. Прозрачный фон. Строки на русском.

— Почему на русском?

— Я как раз собирался спросить у неизвестного отправителя.

— Что ещё?

Я прочитал параметры состояния.

Когда произнёс «структурная целостность — восемьдесят одна целая две десятых процента», медик посмотрел на свой прибор.

— Что? — спросил я.

— Насыщение кислородом девяносто восемь. Давление сто сорок пять на девяносто.

Ничего похожего на восемьдесят один процент.

— Возможно, это не здоровье.

— А что?

— Не знаю.

— Попробуй задать вопрос, — предложил профессор.

— Кому?

— Интерфейсу.

— Голосом?

— Ты ведь инженер. Тестируй.

Несмотря на ситуацию, это прозвучало разумно.

Я посмотрел на окно.

— Что такое структурная целостность?

Ничего не произошло.

— Не отвечает, — сказал я.

— Попробуй мысленно.

Я сосредоточился на строке.

Что такое структурная целостность?

Текст дрогнул.

Рядом с параметром появилась небольшая отметка.

Я мысленно повторил вопрос.

Окно расширилось.

СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

СООТВЕТСТВИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО НОСИТЕЛЯ ТЕКУЩЕЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

**ЗНАЧЕНИЕ НИЖЕ 100% УКАЗЫВАЕТ НА ПОВРЕЖДЕНИЕ, НЕПОЛНОТУ
МОДЕЛИ ИЛИ НАЛИЧИЕ НЕОПИСАННЫХ СТРУКТУР**

Я перечитал сообщение дважды.

— Оно ответило, — сказал я.

Профессор шагнул ближе.

— Как?

— Я подумал о вопросе.

— Что именно написано?

Я пересказал определение.

Левин нахмурился.

— Неполнота модели.

— Да.

— Получается, восемьдесят один процент — не состояние организма. Это степень того, насколько система способна тебя описать.

— Или насколько сильно уже успела описать.

Кира скрестила руки на груди.

— Вы обсуждаете это так, будто перед Андреем действительно висит окно.

— Есть и другие объяснения, — сказал профессор.

— Например, повреждение мозга.

— Например.

— Спасибо, — сказал я. — Очень поддерживает.

Медик достал шприц.

— Я введу лёгкое успокоительное.

— Нет.

— Вам необходимо пройти обследование.

— Пройду без успокоительного.

Женщина в форме кивнула медику.

— Не вводите пока.

Мальцев подошёл к моему рабочему месту и посмотрел на погасший монитор.

— До инцидента вы отключили два внешних устройства от копирования журналов.

— Да.

— Почему?

— Потому что не знал, кто их подключил.

— Теперь знаете.

— Это ничего не меняет.

— Где хранятся необработанные данные?

— На локальном массиве.

— Копии?

— Два резервных хранилища.

— Сетевой доступ?

— Отключён.

Он посмотрел на заместителя директора.

— Изъять все накопители. Персоналу запретить внешние контакты до завершения опроса.

По лаборатории прокатился возмущённый гул.

— На каком основании? — спросил профессор.

— На основании режима особого контроля.

— У вас нет права закрыть институт.

— Теперь есть.

Мальцев произнёс это без угрозы.

Так сообщают температуру воздуха.

Я мысленно вернулся к окну состояния.

Под параметрами появилась новая строка.

ДОСТУПНА ПЕРВИЧНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Я задержал взгляд.

Строка раскрылась сама.

УКАЖИТЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ НОСИТЕЛЯ

Ниже мигало пустое поле.

— Оно просит имя, — сказал я.

— Не вводи, — немедленно произнесла Кира.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, что это означает.

— Согласен, — сказал профессор. — Сначала нужно зафиксировать поведение интерфейса.

— Каким образом? — спросила Кира. — Камера его не видит.

— Андрей будет описывать.

— Он может ошибаться.

— Поэтому будем задавать проверочные вопросы.

Мальцев посмотрел на меня.

— Вы ничего не вводите без разрешения.

— Интересная формулировка.

— Что вам непонятно?

— С каких пор мои мысли требуют вашего разрешения?

Его лицо впервые изменилось.

Совсем немного.

— С тех пор как неизвестная система получила доступ к вашему мозгу.

Это было справедливо.

И потому особенно неприятно.

Я попытался закрыть окно усилием мысли.

Исчезни.

Рамка осталась.

Закрыть.

Ничего.

Скрыть интерфейс.

Текст мигнул и растворился.

Я замер.

Перед глазами снова была обычная лаборатория.

— Получилось, — сказал я.

— Что? — спросил Левин.

— Я скрыл окно.

— Верни.

— Вы уверены?

— Да.

Я подумал: показать интерфейс.

Рамка появилась.

ПЕРВИЧНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ НЕ ЗАВЕРШЕНА

— Управляется мысленно, — сказал я.

Левин закрыл глаза на секунду, будто сохранял информацию в памяти.

— Значит, это не зрительная проекция в обычном смысле.
— Или очень сложная галлюцинация.
— Галлюцинация, реагирующая на команды, тоже требует механизма.
— Мозг и есть механизм, — заметила Кира.
Профессор посмотрел на неё с одобрением.
— Именно.

— Не радуйтесь. Я не поддерживаю вашу версию.

В дальнем конце лаборатории техники наконец полностью отключили питание контуров. Последние работающие экраны погасли. Вентиляция перешла на автономный режим.

Над центральной камерой показатель снова изменился.

СТЕПЕНЬ СВЯЗНОСТИ: 0,00000047 %

— Значение растёт, — сказал я.
— Несмотря на отключение? — спросил Левин.
— Да.
— С какой скоростью?

Я назвал предыдущие показатели.

Профессор быстро посчитал в уме.

— Нелинейно.
— Пока мало данных.
— Как долго до одного процента?
— Если рост ускоряется, прогноз бессмысленен.
— Сделай грубую оценку.
— От нескольких часов до возраста Вселенной.

Кира нервно усмехнулась.

— Отличная точность.
— Могу добавить ещё знаков после запятой, если станет спокойнее.

Медики начали выводить сотрудников по одному. Каждого проверяли, фотографировали и направляли в отдельное помещение.

Когда очередь дошла до меня, женщина в форме преградила путь.

— Он остаётся.
— Мне нужно обследование, — сказал я.
— Оборудование доставят сюда.
— Томограф тоже?
— При необходимости.

Мальцев говорил с кем-то у двери. Услышав нас, повернулся.

— Андрей пройдёт обследование в защищённом медицинском блоке. Профессор Левин и Кира Новикова сопровождают его.

— Почему Кира? — спросил я.
— Она первой взаимодействовала с вами после воздействия.
Кира открыла рот, но спорить не стала.

Нас вывели в коридор.

За дверью лаборатории стояли вооружённые сотрудники охраны. На лестнице разворачивали переносные шлюзы. Людей из соседних помещений эвакуировали.

Я шёл медленно.

Каждые несколько шагов интерфейс обновлял данные.

**ПОВРЕЖДЕНИЕ НИЖНЕЙ КОНЕЧНОСТИ: УТОЧНЕНО
БОЛЕВОЙ СИГНАЛ: ПОДАВЛЕН ВНЕШНИМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ**

Я остановился.

— Что случилось? — спросила Кира.

— Система считает, что боль подавлена внешним воздействием.

— Каким?

Я посмотрел на медика.

— Вы мне что-то вводили?

— Нет.

— Обезболивающее в вентиляции?

— Исключено.

Боль в ноге действительно почти исчезла.

Я прислушался к ощущениям.

Голень онемела, но двигалась нормально.

Система не просто наблюдала.

Или я ошибался.

— Андрей? — позвал профессор.

— Иду.

Нас привели в небольшую переговорную, срочно переоборудованную под медицинский кабинет. Окон не было. На столе стояли переносной кардиограф, анализатор крови и несколько запечатанных контейнеров.

Медик закрепил датчики на моей груди.

— Сидите спокойно.

— Постараюсь.

Профессор занял место напротив. Кира осталась у двери. Мальцев встал за стеклянной перегородкой вместе с женщиной в форме.

— Верни окно идентификации, — сказал Левин.

— Оно и так открыто.

— Что именно требуется?

— Указать обозначение носителя.

— Не имя?

— Формулировка именно такая.

— Это важно.

— Почему?

— Обозначение может быть не персональными данными, а системным идентификатором.

— Предлагаете соврать?

— Предлагаю не сообщать неизвестной системе больше, чем необходимо.

Я подумал.

— Можно ввести тестовое значение.

— Какое?

— Ноль.

Кира покачала головой.

— Почему ноль?

— Минимум информации. Если поле числовое, примет. Если текстовое — тоже. Если система ждёт имя, получим ошибку валидации.

— Ты относишься к этому как к программе, — сказала она.

— А как мне относиться?

— Как к неизвестной технологии, которая уже залезла тебе в голову.

— Именно поэтому я и отношусь к ней как к программе.

Профессор наклонился вперёд.

— Вводи ноль.

— Я против, — сказала Кира.

— Принято.
— Что принято?
— Твоё возражение.
Я сосредоточился на пустом поле.
Ноль.
Поле заполнилось.

0

Несколько секунд ничего не происходило.
Затем рамка дрогнула.

ПРОВЕРКА ОБОЗНАЧЕНИЯ

ОШИБКА: ОБОЗНАЧЕНИЕ СОВПАДАЕТ С ЗАРЕЗЕРВИРОВАННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

— Не приняло, — сказал я.
— Значит, ноль уже что-то означает, — заметил профессор.
Появилась следующая строка.

ВЫЯВЛЕНО НЕСООТВЕТСТВИЕ

НОСИТЕЛЬ ПОЛУЧИЛ ДОСТУП ДО ИДЕНТИФИКАЦИИ ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕГИСТРАЦИИ

ПРОВЕРКА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СОБЫТИЙ

Текст исчез.
Внутри головы снова возник тот же короткий импульс.
На этот раз он был слабее.
Кардиограф резко запищал.
— Частота сто пятьдесят, — сказал медик. — Что происходит?
— Система что-то проверяет.
Перед глазами мелькали строки.

СОБЫТИЕ РЕГИСТРАЦИИ: НЕ ОБНАРУЖЕНО

СОБЫТИЕ ПОДКЛЮЧЕНИЯ: НЕ ОБНАРУЖЕНО

СОБЫТИЕ СОЗДАНИЯ НОСИТЕЛЯ: НЕ ОБНАРУЖЕНО

ПРИЧИНА СУЩЕСТВОВАНИЯ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА

Последняя строка задержалась.

Потом появился новый блок.

КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА МОДЕЛИ

ОБЪЕКТ СУЩЕСТВУЕТ ДО СОЗДАНИЯ СОБСТВЕННОГО ОПИСАНИЯ

Я почувствовал холод.

— Что там? — спросил профессор.

Я прочитал сообщение вслух.

Никто не пошутил.

Интерфейс продолжил:

НАЗНАЧЕН ВРЕМЕННЫЙ СТАТУС

НОСИТЕЛЬ: 0

ТИП: НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЙ

УРОВЕНЬ: ОТСУТСТВУЕТ

СОСТОЯНИЕ: СУЩЕСТВУЕТ

— «Состояние: существует», — повторила Кира. — Как будто это нужно отдельно подтверждать.

— Для системы, похоже, нужно, — сказал Левин.

В окне появилась последняя строка.

ВНИМАНИЕ

НУЛЕВОЙ НОСИТЕЛЬ НЕ ДОЛЖЕН СУЩЕСТВОВАТЬ

Кардиограф продолжал пищать.

Я смотрел на сообщение и неожиданно понял, что меня тревожит сильнее всего.

Не то, что неизвестная система считала моё существование ошибкой.

А то, что она уже начала решать, как эту ошибку исправить.

Под предупреждением медленно заполнялась новая полоса.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ КОРРЕКЦИИ: 1 %

Глава 3. Ошибка совместимости

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ КОРРЕКЦИИ: 2%

- Оно растёт, — сказал я.
- Что именно растёт? — спросил медик.
- Процент коррекции.
- Какой коррекции?
- Пока не уточняет.

Кардиограф продолжал подавать короткие тревожные сигналы. Пульс держался выше ста сорока, хотя я сидел неподвижно и дышал ровно.

По крайней мере, мне казалось, что ровно.

Медик посмотрел на монитор, затем на меня.

- Боли в груди нет?
- Нет.
- Одышка?
- Нет.
- Головокружение?
- Незначительное.
- Онемение конечностей?

Я пошевелил пальцами.

— Только правая голень. Но это было ещё до появления полосы.

— «Было» — значит прошло?

Я прислушался к ощущениям.

Боли действительно не было. Исчезла и слабость, появившаяся после падения. Нога чувствовалась нормально — возможно, даже слишком нормально. Ни пульсации, ни тяжести, ни ощущения ушиба.

Будто травма существовала только потому, что я помнил о ней.

- Не знаю, — ответил я.
- Очень полезная информация.
- Работаю с тем, что есть.

Перед глазами появилась новая строка:

ОЦЕНКА КОРРЕКТИРУЕМОЙ ОБЛАСТИ

ЛОКАЛЬНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ: 0,7%

НЕСООТВЕТСТВИЕ БАЗОВОЙ МОДЕЛИ: 18,1%

ПРИОРИТЕТ: БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ

— Теперь уточняет, — сказал я.

Профессор Левин мгновенно подался вперёд.

— Читай дословно.

Я прочитал.

В комнате стало тише.

За стеклянной перегородкой Мальцев что-то сказал женщине в серой форме. Та вышла, оставив дверь открытой. В коридоре сразу появились ещё двое охранников.

— Восемнадцать целых одна десятая процента несоответствия, — повторил профессор.
— Это совпадает с твоей структурной целостностью.

— В пределах округления.

— Значит, система не считает тебя повреждённым на восемнадцать процентов. Она считает, что её описание тебя неполно на восемнадцать процентов.

— Мы это уже предположили.

— Теперь подтвердили.

Кира стояла у стены, скрестив руки на груди.

— А коррекция должна исправить Андрея или исправить описание?

Никто не ответил.

Полоса дошла до трёх процентов.

ПРОЦЕДУРА КОРРЕКЦИИ ПОДГОТОВЛЕНА НА 3%

— Можно спросить, что она собирается делать? — предложил профессор.

— Я уже спрашиваю.

Я сосредоточился на строке.

Что означает коррекция?

Интерфейс не отреагировал.

Я повторил вопрос, сформулировав его точнее:

Какие изменения будут внесены в биологического носителя?

Текст мигнул.

ОШИБКА ЗАПРОСА

ТЕРМИН «ИЗМЕНЕНИЕ» НЕ ОПРЕДЕЛЁН В ТЕКУЩЕЙ МОДЕЛИ

— Не определён термин «изменение», — сказал я.

— На русском языке? — спросила Кира.

— Что?

— Оно пишет русскими словами, но не понимает слово «изменение»?

— Возможно, проблема не в слове, а в понятии.

Профессор встал и подошёл ближе.

— Спроси, чем состояние после коррекции будет отличаться от текущего.

Я повторил вопрос мысленно.

На этот раз интерфейс ответил сразу:

**РАЗЛИЧИЕ СОСТОЯНИЙ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫРАЖЕНО В ЛОКАЛЬНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ**

— Локальная языковая модель, — произнёс Левин. — Вот оно.

— Что именно?

— Русский язык не является исходным языком передачи. Это слой представления.

Интерфейс адаптирует данные под структуры твоего мозга.

— Откуда он знает русский? — спросила Кира.

— Андрей знает русский.

Она посмотрела на меня.

— То есть оно читает его память?

— Или анализирует нейронную активность, — ответил профессор. — Для результата разница небольшая.

— Для меня разница есть, — сказал я.

Мальцев вошёл в комнату.

— С этого момента вы не задаёте системе вопросов без согласования.

— Немного поздно, — сказал я.

— Это распоряжение.

— У системы другое мнение о субординации.

ПРОЦЕДУРА КОРРЕКЦИИ ПОДГОТОВЛЕНА НА 4%

Я показал на пустой воздух перед собой.

— Она продолжает работу. Предлагаете дожидаться ста процентов, пока мы согласовываем формулировки?

— Предлагаю не передавать неизвестному источнику дополнительную информацию.

— Он уже подключён к моему мозгу.

— Именно поэтому любое действие должно быть контролируемым.
— Вы умеете контролировать мои мысли?
Мальцев задержал на мне взгляд.
— Пока нет.
Это «пока» прозвучало хуже прямой угрозы.
Профессор вернулся на своё место.
— Нам необходимо увидеть исходное представление.
— Как? — спросила Кира. — Андрей не может показать нам интерфейс.
— Но может запросить данные без перевода.
Я посмотрел на Левина.
— Вы уверены, что мой мозг способен это воспринять?
— Нет.
— Очень обнадёживает.
— Вероятно, система не покажет информацию, которая физически несовместима с твоим восприятием. Она заинтересована в сохранении носителя.
Я посмотрел на полосу коррекции.
Пять процентов.
— Или заинтересована в приведении носителя к совместимому виду.
Профессор промолчал.
Кира подошла ко мне.
— Не делай этого.
— Почему?
— Потому что мы не знаем, что означает «увидеть данные без перевода». Может быть, ты получишь такой объём информации, который мозг не выдержит.
— Система уже передавала что-то до появления русского текста.
— На экран, не тебе в голову.
— Мы не знаем этого.
Я вспомнил одиночный импульс. Слишком короткий, чтобы быть звуком, и слишком сложный, чтобы быть обычным сигналом.
Перед тем как на центральном мониторе появились русские фразы, там шли неизвестные символы и числовые структуры.
Семнадцать элементов.
Затем три.
Снова семнадцать.
Снова три.
Система сначала говорила с нами на языке, который не требовал общего алфавита.
Я мысленно сформулировал запрос:
Показать исходное представление последнего ответа в доступной форме.
Интерфейс замер.
Полоса коррекции исчезла.
На её месте появилась новая надпись:
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ИСХОДНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ЛОКАЛЬНОЙ
КОГНИТИВНОЙ АРХИТЕКТУРЕ
БУДЕТ ВЫПОЛНЕНА ПРОЕКЦИЯ
— Появилось предупреждение, — сказал я.
— Отменяй, — потребовал Мальцев.
— Уже поздно.
Белая рамка раскрылась.

Русский текст исчез.

Сначала я увидел числа.

Не отдельные последовательности, а плотные слои дробей, индексов и операторов. Они уходили друг за друга, образуя конструкцию, похожую одновременно на систему уравнений и объёмную карту.

Потом проявились символы.

Часть была знакомой: интегралы, производные, матрицы, множества, тензорные индексы. Другие лишь отдалённо напоминали математические знаки. Некоторые меняли форму в зависимости от того, на какой участок структуры я смотрел.

Формула не помещалась перед глазами.

Она не занимала пространство.

Скорее всё видимое пространство на мгновение стало её частью.

Я увидел линии, соединявшие переменные через слои неопределённости. Каждое число существовало не как точное значение, а как интервал возможных значений. Границы интервалов двигались, влияя друг на друга.

Стоило одной величине измениться, как вся структура перестраивалась.

— Андрей? — голос Киры донёсся словно из соседней комнаты.

Я попытался ответить, но не смог.

Передо мной разворачивалась модель.

Не изображение человека.

Сам человек, выраженный математически.

Частота сердцебиения была не числом, а множеством допустимых траекторий. Дыхание — связкой периодических решений. Нервные импульсы — дискретными переходами между областями устойчивости.

Даже положение моей руки описывалось не координатами, а вероятностным семейством состояний, ограниченным десятками условий.

Я увидел собственное тело как задачу.

И сразу понял, почему система считала её решённой только на восемьдесят один процент.

Части переменных не имели определений.

Они входили в уравнения, влияли на результаты, но не были выражены через доступные координаты. Система видела их последствия, однако не могла найти причины.

Словно тень падала в трёхмерный мир от объекта, которого в нём не существовало.

— Остановите это! — закричала Кира.

Кто-то схватил меня за плечи.

Формулы качнулись вместе с комнатой, но не исчезли.

— Андрей, слышите меня? — спросил медик.

Я слышал.

Говорить было трудно.

— Это... система...

— Что система?

— Дифференциальных...

Мне не хватило воздуха.

Медик уложил меня на кушетку.

— Давление падает.

— Отключите интерфейс! — потребовал Мальцев.

— Как? — спросила Кира.

— Андрей! Закройте его!

Я попытался подумать о команде закрытия.

Ничего не произошло.

Русский язык был удобным слоем. В исходном представлении не существовало кнопок, окон и команд. Здесь были только условия и следствия.

Чтобы остановить процесс, нужно было изменить граничные условия.

Я не понимал, откуда это знаю.

Знание не пришло в виде фразы. Оно следовало из самой структуры так же очевидно, как из наклона поверхности следует направление движения шарика.

— Пятого порядка, — выговорил я.

— Что? — Левин наклонился ко мне.

— Система дифференциальных уравнений... пятого порядка.

Профессор посмотрел на мои глаза.

— Обыкновенных или в частных производных?

Я сосредоточился.

В структуре присутствовали производные по времени, пространственным координатам и ещё нескольким переменным, для которых у меня не было названий.

— Не обычных. Пространство состояний... интервальное.

Левин резко выпрямился.

— Интервальные коэффициенты?

— Нет. Сами состояния — интервалы. Не точки.

— Дифференциальное включение?

— Похоже. Но сложнее.

В человеческой математике мы различали число и множество возможных чисел. Для системы это различие казалось искусственным. Любая величина существовала сразу как область допустимости.

Точное значение возникало только в момент взаимодействия.

Даже слово «возникало» было неправильным.

Оно выбиралось.

Или фиксировалось.

Или теряло остальные варианты.

— Записывайте всё, — сказал Левин.

— Его нужно стабилизировать, — возразил медик.

— Записывайте и стабилизируйте.

— Давление восемьдесят на пятьдесят.

Кира сжала мою ладонь.

— Андрей, посмотри на меня.

Я не видел её лица.

Только математическую область, соответствующую биологическому объекту рядом. У объекта была температура, масса, электрическая активность и огромное количество неопределённых компонент.

Некоторые из них система вообще не могла классифицировать.

Не только во мне.

Во всех людях.

Мы не укладывались в её модель.

Ни один из нас.

Я сосредоточился на этой мысли.

Если система не способна полностью описать человека, почему она выбрала меня?

Ответ появился не по-русски.

В структуре выделилась цепочка зависимостей.

Сигнал.

Передатчик.

Импульс.

Контакт.

Ошибка регистрации.

Я оказался первым объектом, который установил обратную связь, не пройдя стандартную процедуру создания описания.

Не совместимый носитель.

А незарегистрированный.

Нулевой.

— Она не выбрала меня, — сказал я.

— Что? — спросила Кира.

— Я попал внутрь раньше регистрации.

Левин склонился ещё ближе.

— Внутри чего?

— Модели.

В уравнениях появилась новая переменная.

Она соответствовала процедуре коррекции.

Теперь я видел, что та собиралась сделать.

Не лечить меня.

Не перестраивать тело напрямую.

Система пыталась устранить неопределённость. Для этого она должна была заменить все неописанные компоненты ближайшими допустимыми значениями.

Она собиралась подобрать математическую версию меня, которая укладывалась в её уравнения.

Приблизить реальность к модели.

— Она хочет заполнить неизвестные переменные, — сказал я.

— Каким образом? — спросил Левин.

— Выбрать ближайшее устойчивое решение.

— Что это значит для твоего организма?

Я увидел несколько ветвей.

В одной сердце меняло ритм.

В другой перестраивалась проводимость нервных волокон.

В третьей исчезали участки мозга, которые система считала избыточными для устойчивости модели.

Не физически исчезали.

Переставали быть независимыми.

Становились вычислимыми.

Предсказуемыми.

— Она сделает меня проще.

В комнате никто не произнёс ни слова.

— Насколько проще? — тихо спросила Кира.

— Настолько, чтобы я полностью описывался.

— Что ты потеряешь?

Я попытался определить.

Система не выделяла память, характер или свободу воли как отдельные величины. Они проявлялись в виде неопределённости поведения.

Для системы это была не ценность.

Это была ошибка прогноза.

— Всё, что она не понимает.

Медик ввёл что-то в катетер.

По руке разлился холод.

Формулы дрогнули.

— Что вы сделали?

— Поддерживающий раствор.

— Не вводите ничего без предупреждения.

— У вас критически падает давление.

— Любое изменение влияет на расчёт.

— Тогда пусть влияет в сторону сохранения вам жизни.

Он был прав.

Но теперь система включила введённое вещество в модель. Появилась новая ветвь уравнений, описывавшая его распространение по кровотоку.

Я увидел, как быстро чужая математика поглощает новые данные.

Не переводит.

Встраивает.

— Можно отказаться от коррекции? — спросил Левин.

Я нашёл условие запуска процедуры.

Там не было согласия.

Коррекция начиналась автоматически при превышении допустимого уровня расхождения.

Моё расхождение превышало норму в тысячи раз.

— Нет.

— Можно остановить процесс?

Я исследовал структуру.

Процедура зависела от трёх условий:

носитель существует;

носитель подключён;

носитель относится к локальной модели.

Первые два были истинны.

Третье система сама назначила временно, потому что не знала, куда меня отнести.

Если изменить классификацию, коррекция потеряет область применения.

— Возможно.

— Что требуется?

— Доказать, что я не часть модели.

Мальцев резко подошёл к кушетке.

— Не делайте ничего.

Я посмотрел в его сторону и увидел не человека, а сложную область параметров.

Но кое-что было странно.

Вокруг Мальцева часть структуры отсутствовала.

Не была неизвестной.

Именно отсутствовала, как вырезанный участок записи.

Я моргнул.

Провал остался.

— Отойдите, — сказал я.

— Почему?

— Вы мешаете.

— Андрей, любое изменение вашего статуса может быть необратимым.

— Коррекция тоже.

— Мы не понимаем последствий.

— Я понимаю достаточно.

— Вы находитесь под воздействием неизвестной технологии и не можете принимать рациональные решения.

— Тогда кто может?

Мальцев не ответил.

Я вернулся к системе.

Как доказать, что объект не принадлежит локальной модели?

В человеческой логике это потребовало бы найти противоречие. В математическом описании системы существовал более прямой путь: показать переменную, которая влияет на решение, но не выводится ни из одного допустимого состояния модели.

Такие переменные уже были во мне.

Система называла их неопределёнными структурами.

Я называл их тем, чего она не понимала.

Но простого наличия было недостаточно. Система считала неизвестные параметры ошибкой и собиралась заменить.

Нужно было показать, что хотя бы один из них является внешним условием, а не внутренней переменной.

Я начал искать.

Память?

Она зависела от состояния мозга.

Сознание?

Система описывала его как динамику связей.

Выбор?

Для неё это был переход между вероятностными областями.

Я не мог найти ничего, что не имело бы хотя бы приближённого представления.

Полоса коррекции вернулась в угол обзора.

ПРОЦЕДУРА КОРРЕКЦИИ ПОДГОТОВЛЕНА НА 11%

Она продолжала расти даже в исходном режиме.

— Быстрее, — сказал профессор.

— Не мешайте.

Я просматривал зависимости.

Сигнал от передатчика.

Состояние лаборатории.

Мой организм.

Момент подключения.

В исходной модели не существовало причины, по которой я запросил аварийное отключение. Система фиксировала действие, импульс мышц, положение пальца, электрическую активность мозга.

Но не могла вывести само решение.

Оно присутствовало как разрыв между допустимыми траекториями.

В одну секунду палец мог остаться неподвижным.

В другую — нажал кнопку.

Физические условия допускали оба варианта.

Система выбрала фактически реализованный, но не могла вычислить его заранее.

Для неё это была неопределённость.

Для меня — решение.

Я сосредоточился на моменте нажатия.

Выделил его.

Обозначил как внешнее граничное условие.

Структура отреагировала.

По уравнениям прошла волна перестроения.

ОБНАРУЖЕНА ПЕРЕМЕННАЯ С НЕОПРЕДЕЛЁННЫМ ИСТОЧНИКОМ

Русский текст возник поверх математики.

Система снова включила перевод, чтобы сообщить об ошибке.

ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ

ПЕРЕМЕННАЯ НЕ ВЫВОДИТСЯ ИЗ ПРЕДЫДУЩЕГО СОСТОЯНИЯ

НАРУШЕНИЕ ПРИЧИННОЙ СВЯЗНОСТИ

— Получилось, — прошептал я.

— Что именно? — спросила Кира.

— Я показал ей решение, которое она не может вывести.

— Какое решение?

— Нажать кнопку аварийного отключения.

Профессор медленно покачал головой.

— Это не доказывает свободу воли. Причина могла быть просто не включена в модель.

— Для нас — не доказывает. Для неё достаточно, что причина находится снаружи её допустимого пространства.

Русский текст продолжал появляться:

ТРЕБУЕТСЯ УТОЧНЕНИЕ

ПЕРЕМЕННАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ОШИБКОЙ НАБЛЮДЕНИЯ?

Под вопросом возникли два варианта:

ДА

НЕТ

— Оно спрашивает, является ли мой выбор ошибкой наблюдения.

— Ответишь «нет» — что произойдёт? — спросила Кира.

— Не знаю.

— Тогда не отвечай.

ПРОЦЕДУРА КОРРЕКЦИИ ПОДГОТОВЛЕНА НА 14%

— Времени мало.

— Ты уверен, что правильно понял вопрос?

— Нет.

— Андрей...

— Но если ответу «да», система просто отбросит переменную как шум. И продолжит коррекцию.

— А если «нет»?

— Будет вынуждена признать внешний источник.

Профессор смотрел на меня с выражением, в котором смешались страх и восторг.

— Наблюдатель, не принадлежащий системе.

— Возможно.

— В математике модели такой объект задаёт граничные условия, но сам не описывается уравнениями внутри модели.

— Именно.

— Ты пытаешься зарегистрировать себя как внешнего наблюдателя.

— Я пытаюсь не дать ей переписать мой мозг.

Мальцев положил руку мне на плечо.

— Не отвечайте.

Я посмотрел на вырезанный участок в его математическом описании.

— Уберите руку.

— Андрей...

— Я сказал, уберите.

Он отступил.

Я выбрал:

НЕТ

Мир исчез.

Не потемнел.

Именно исчез.

На мгновение не осталось комнаты, тела, света и звука. Не было даже пространства, в котором они могли бы существовать.

Осталась только математическая структура.

Огромная.

Непостижимо сложная.

Моя модель была крошечным узлом внутри неё. От узла уходили линии к лаборатории, планете и областям, которые я не мог воспринять.

Некоторые связи тянулись не в пространство.

Они проходили через переменные, для которых человеческий мозг не имел органов восприятия.

Я увидел семнадцать направлений.

Не глазами.

Первые три соответствовали знакомому пространству.

Четвёртое напоминало время, но не совпадало с ним.

Остальные были повреждены.

Часть обрывалась сразу за нашим узлом. Часть была сжата почти до нуля. Несколько существовали только как интервалы возможных направлений.

Вселенная не была трёхмерной.

Она была семнадцатимерной системой, у которой четырнадцать степеней свободы больше не могли принимать ненулевые значения.

Не свёрнуты.

Не скрыты.

Почти уничтожены.

По остаточным каналам двигался импульс.

Тот самый сигнал.

Он шёл не к Земле.

Он проходил через Землю, как электрический разряд через случайно сохранившийся участок нервного волокна.

И я оказался первым нейроном, который ответил.

Структура сомкнулась вокруг меня.

ВНЕШНИЙ ИСТОЧНИК НЕ МОЖЕТ НАХОДИТЬСЯ ВНУТРИ ЛОКАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

ПРОТИВОРЕЧИЕ

ОБЪЕКТ ОДНОВРЕМЕННО ПРИНАДЛЕЖИТ И НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ МОДЕЛИ

КЛАССИФИКАЦИЯ НЕВОЗМОЖНА

Полоса коррекции остановилась на семнадцати процентах.

Затем исчезла.

Мир вернулся.

Я судорожно вдохнул.

Кира держала меня за руку. Медик смотрел на приборы. Профессор что-то говорил, но я слышал только отдельные звуки.

— Андрей!

— Я здесь.

— Что произошло?

Я попытался подняться, но тело не послушалось.

— Коррекция остановлена.

Перед глазами появилось новое окно.

ПРОЦЕДУРА КОРРЕКЦИИ ПРИОСТАНОВЛЕНА

ПРИЧИНА: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ

НОСИТЕЛЬ 0 ПЕРЕКЛАССИФИЦИРОВАН

Я прочитал следующую строку.

ТИП: ВНЕШНИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Профессор повторил её вслух.

— Внешний наблюдатель...

— Временно, — сказал я. — Скорее всего, пока система не разрешит противоречие.

— Что ты увидел до этого?

Я закрыл глаза.

Семнадцать направлений всё ещё оставались в памяти. Попытка представить их заставляла мозг снова сводить всё к трёхмерным образам.

— Уравнения.

— Какие?

— Система нелинейных дифференциальных уравнений пятого порядка. Но это грубое приближение. Скорее система дифференциальных включений в интервальном пространстве состояний.

Левин слушал, не перебивая.

— Каждая переменная задаётся не значением, а диапазоном допустимых состояний. Границы зависят друг от друга. Есть дополнительные производные по координатам, которых у нас нет. Или которые мы больше не воспринимаем.

— Сколько координат?

Я посмотрел на него.

— Семнадцать.

Кира медленно повернулась к профессору.

— Те самые семнадцать и три?

— Да, — сказал я. — Это не размеры массива. И не номера контуров.

— Тогда что?

Я вспомнил обрывающиеся линии.

— Количество степеней свободы.

Профессор побледнел.

— Исходная размерность.

— Возможно.

— А три?

— То, что осталось доступно нашему узлу.

Никто не произнёс ни слова.

Даже Мальцев молчал.

В интерфейсе появилась новая строка.

ЛОКАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ УТОЧНЕНА

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОХРАНЕНО КАК БАЗОВОЕ

Теперь я понял, почему перед русским текстом шли формулы.

Система не знала нашего языка.

Она не знала, кто мы такие.

Первое сообщение было не приветствием и не призывом о помощи.

Это была математическая посылка: описание состояния, условий связи и запроса на установление канала.

Универсальный язык, не требующий общего опыта, культуры или органов чувств.

Две цивилизации могли не иметь ни одного общего слова. Они могли жить в разных химических средах, воспринимать разные участки спектра и мыслить с несовместимой скоростью.

Но если обе способны отличить единицу от множества, изменение от постоянства и причину от следствия, у них уже есть начало языка.

— Передача сначала шла математикой, — сказал я. — Русский появился только после того, как система построила модель моего мышления.

— Она использовала тебя как переводчик, — сказала Кира.

— Не как переводчик. Как словарь.

Мальцев подошёл к стеклянной перегородке.

— Все сведения о семнадцати измерениях остаются в этой комнате.

— Вы серьёзно? — спросила Кира. — Незнакомый сигнал только что установил связь с Землёй, а вас беспокоит секретность?

— Меня беспокоит паника.

— Меня беспокоит процедура, которая собиралась переписать мозг Андрея.

— Именно поэтому информация не должна выйти наружу до проверки.

— Проверки кем?

— Специалистами.

Профессор усмехнулся.

— Вы уже находитесь в комнате с единственным человеком, который видел исходную математическую структуру, и всё равно говорите о каких-то специалистах.

Мальцев повернулся к нему.

— Вы считаете, что он понял увиденное?

— Нет. Но он понял больше, чем любой из нас.

Я попытался сесть.

На этот раз тело подчинилось.

Давление постепенно восстанавливалось. Пульс снизился до ста десяти.

Медик хотел возразить, но я поднял руку.

— Нормально.

— Вы потеряли сознание на восемь секунд.

— Мне казалось, дольше.

— Восемь секунд, — повторил он. — И за это время электрическая активность мозга выходила за пределы шкалы прибора.

— Насколько?

— При таком сигнале вы не должны были разговаривать. Или оставаться в сознании.

— Прибор исправен?

— Был исправен до встречи с вами.

Перед глазами открылось окно состояния.

НОСИТЕЛЬ: 0

ТИП: ВНЕШНИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: 83,6%

Показатель вырос.

Я сосредоточился на нём.

Система уточнила модель, но не изменила меня.

По крайней мере, не должна была.

Ниже появилась новая строка:

ОБНАРУЖЕНА СПОСОБНОСТЬ К ВЫЯВЛЕНИЮ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВОЗМОЖНА ФОРМАЛИЗАЦИЯ

— Что-то ещё? — спросил Левин, заметив мой взгляд.

— Она обнаружила способность.

— Какую?

— Выявление противоречий.

Кира нервно рассмеялась.

— Наконец-то твоя профессия признана высшей цивилизацией.

— Не факт, что высшей.

— Что значит «формализация»? — спросил профессор.

— Не знаю.

Я мысленно запросил пояснение.

ФОРМАЛИЗАЦИЯ — ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПОВТОРЯЕМОГО ДЕЙСТВИЯ В УСТОЙЧИВЫЙ ОПЕРАТОР МОДЕЛИ

— Она может превратить навык в часть интерфейса, — сказал я.

— Как компьютерную функцию? — спросила Кира.

— Скорее как математический оператор. Повторяемое действие получает формальное описание и может применяться к другим объектам.

— То есть навык? — спросил профессор.

Слово прозвучало почти нелепо.

Навык.

Такое слово ожидалось в игре, а не в защищённом медицинском блоке научного института.

Интерфейс услышал или вытащил смысл из моей памяти.

Формулировка изменилась:

ДОСТУПНА ФОРМАЛИЗАЦИЯ НАВЫКА

«ПОИСК НЕСООТВЕТСТВИЙ»

ПРИНЯТЬ?

— Не выбирай, — одновременно сказали Кира и Мальцев.

Я посмотрел на профессора.

Тот молчал.

— А вы что думаете?

— Думаю, что каждый ответ увеличивает глубину связи.

— Но?

— Но отказ тоже является ответом.

Это было верно.

Я посмотрел на варианты.

ПРИНЯТЬ

ОТКЛОНИТЬ

Под ними медленно появилась третья строка:

ОТЛОЖИТЬ: НЕДОСТУПНО

Система училась.

Она уже поняла, что человек попытается избежать выбора.

— Сколько у нас времени? — спросила Кира.

Я сосредоточился на интерфейсе.

Ответ появился сразу:

ДО ЗАВЕРШЕНИЯ ПЕРВИЧНОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ УЗЛА: 23:47:16

Таймер начал уменьшаться.

— Чуть меньше суток.

— А потом что? — спросил Малыцев.

Я задал вопрос.

Интерфейс на несколько секунд замер.

Затем ответил:

**ЛОКАЛЬНАЯ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ БУДЕТ РАСШИРЕНА ДО
ВСЕХ СОВМЕСТИМЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ**

Кира прочитала выражение на моём лице.

— Что там?

Я перевёл взгляд на людей за стеклом, охрану в коридоре и стены подземного комплекса.

— Через двадцать три часа система перестанет быть только моей проблемой.

В интерфейсе появилось уточнение:

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ КОЛИЧЕСТВО НОСИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ: 12 481

903

Ниже мигнула ещё одна строка:

ОБНАРУЖЕН ВНЕШНИЙ ЗАПРОС НА ПОДКЛЮЧЕНИЕ

ИСТОЧНИК: НЕ ЛОКАЛЬНЫЙ

РАССТОЯНИЕ В ТРЁХМЕРНОЙ ПРОЕКЦИИ: НЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ

И впервые за всё время система задала мне вопрос, сформулированный почти по-человечески:

РАЗРЕШИТЬ ДРУГОМУ МИРУ УВИДЕТЬ ЗЕМЛЮ?

Глава 4. Первый импульс

РАЗРЕШИТЬ ДРУГОМУ МИРУ УВИДЕТЬ ЗЕМЛЮ?

Вопрос висел перед глазами, пока таймер в углу продолжал отсчитывать секунды.

23:46:51

23:46:50

23:46:49

— Нет, — сказал Мальцев.

— Я ещё ничего не выбрал.

— И не выберете. Ответ должен быть отрицательным.

— Вы хотя бы понимаете, что означает отказ?

— Он означает, что мы не позволяем неизвестной цивилизации получить доступ к Земле.

Профессор Левин медленно покачал головой.

— Это означает только то, что мы решили именно так перевести вопрос.

— Он написан на русском языке.

— Система уже показала, насколько условен этот русский язык. Одно слово может заменить целую математическую конструкцию.

— Слово «разрешить» трактуется достаточно однозначно.

— Для юриста — возможно. Для топологии связи между мирами — не уверен.

Мальцев посмотрел на меня.

— Какие варианты доступны?

Я сосредоточился на вопросе.

Под ним появились две строки:

РАЗРЕШИТЬ

ОТКЛОНИТЬ

Я попытался запросить дополнительные сведения.

Какую информацию получит внешний источник при выборе «разрешить»?

Интерфейс ответил почти сразу:

БУДЕТ ПЕРЕДАНО ОПИСАНИЕ ЛОКАЛЬНОГО УЗЛА В ОБЪЁМЕ, НЕОБХОДИМОМ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЗАИМНОЙ НАБЛЮДАЕМОСТИ

— При согласии уйдёт описание Земли, — сказал я. — Не полное. Минимально необходимое для взаимной наблюдаемости.

— Координаты? — спросил Мальцев.

— Возможно.

— Численность населения?

— Возможно.

— Технологический уровень?

— Возможно.

— Прекрасно. Отклоняйте.

— Подождите.

Я сформулировал второй запрос.

Какую информацию получит внешний источник при выборе «отклонить»?

Ответ задержался.

БУДЕТ ПЕРЕДАНО СОСТОЯНИЕ ОТКАЗА ОТ УСТАНОВЛЕНИЯ ВЗАИМНОЙ НАБЛЮДАЕМОСТИ

— При отказе система тоже отправит ответ.

— Но без описания Земли, — сказал Мальцев.

— Чтобы передать отказ, она должна сообщить, что здесь существует узел, способный принимать решения.

— Они уже знают, что узел существует. Иначе не отправили бы запрос.

— Не обязательно.

Левин поднял руку, останавливая спор.

— Андрей, узнай, как был обнаружен внешний запрос.

Я задал вопрос.

ЗАПРОС ПЕРЕДАН ПО ДОСТУПНОМУ КАНАЛУ СВЯЗНОСТИ

— Слишком общо, — сказал профессор. — Спроси, кому он был адресован.

Я мысленно изменил формулировку.

Кому был адресован внешний запрос?

ЛЮБОМУ УЗЛУ, СПОСОБНОМУ СФОРМИРОВАТЬ ОТВЕТ

— Он не был адресован Земле, — сказал я. — Это общий запрос. Что-то вроде ширококонтингентного сигнала.

Кира нахмурилась.

— Получается, другой мир пока не знает, кто его услышал?

— Похоже на то.

— Тогда любой ответ выдаст нас, — сказал профессор.

Мальцев отошёл к стеклянной перегородке.

За ней уже устанавливали дополнительное оборудование. Два техника подключали к стене переносной вычислительный блок, хотя он не имел никакого доступа к интерфейсу у меня в голове.

Люди часто успокаиваются, когда рядом начинает шуметь техника.

Даже бесполезная.

— Никакого ответа, — сказал Мальцев. — Запрос игнорируется.

— Такой возможности нет, — напомнил я.

— Не выбирайте ничего.

— Таймер идёт.

— До синхронизации Земли, а не до ответа.

Я посмотрел на вопрос.

Рядом с ним отдельного таймера не было.

— Не факт.

— Спросите.

Я мысленно сформулировал:

Когда требуется дать ответ на внешний запрос?

ОТВЕТ ОЖИДАЕТСЯ ДО ПОТЕРИ УСТОЙЧИВОСТИ КАНАЛА

Когда канал потеряет устойчивость?

ОЦЕНКА НЕВОЗМОЖНА

— Очень удобно, — сказала Кира. — Может исчезнуть через секунду, может через тысячу лет.

— Канал возник только после запуска установки, — заметил профессор. — Вероятно, его устойчивость зависит от передатчика.

— Передатчик обесточен, — сказал Мальцев.

— Но связь продолжает усиливаться.

Я снова посмотрел на показатель узла.

Он находился не в основном окне, но теперь я мог вызвать его одной мыслью.

СТЕПЕНЬ СВЯЗНОСТИ: 0,00000112%

За время нашего разговора значение выросло более чем вдвое.

— Канал уже не зависит от питания установки, — сказал я.

— Тогда от чего он зависит? — спросила Кира.
Я не успел ответить.

Перед глазами снова всплыло предложение:
ДОСТУПНА ФОРМАЛИЗАЦИЯ НАВЫКА
«ПОИСК НЕСООТВЕТСТВИЙ»
ПРИНЯТЬ?

Запрос никуда не исчез.
Система ожидала сразу двух решений.
Я посмотрел на профессора.

— Сначала навык.

Мальцев резко повернулся.

— Нет.

— Он может помочь понять внешний запрос.

— Или сильнее связать вас с системой.

— Связь и так усиливается.

— Это не основание добровольно отдавать ей дополнительные функции.

— Она не отдаёт функцию мне. Она формализует то, что я уже умею.

— По её словам.

— По её математическому определению.

— Которое понимаете только вы.

— Тогда предложите другой способ проверить.

Мальцев молчал.

Я посмотрел на Киру.

— Что думаешь?

— Что мне не нравится ни один вариант.

— Это не ответ.

— Именно. И, в отличие от твоего интерфейса, я имею право не выбирать.

Я усмехнулся.

— Завидую.

— Но если ты всё равно собираешься нажать, сначала узнай цену.

Я сосредоточился на предложении.

Какие изменения вызовет формализация навыка?

БУДЕТ СОЗДАН УСТОЙЧИВЫЙ ОПЕРАТОР, ПОЗВОЛЯЮЩИЙ ВЫЯВ-
ЛЯТЬ ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ НАБЛЮДАЕМЫМ СОСТОЯНИЕМ И ДОСТУП-
НОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛЬЮ

Будет ли изменён биологический носитель?

МИНИМАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ КАНАЛА ВОСПРИЯТИЯ

— Будет адаптирован канал восприятия.

— Что значит «минимальная»? — спросила Кира.

Я задал вопрос.

ИЗМЕНЕНИЕ НЕ ПРЕВЫСИТ ДОПУСТИМУЮ ПОГРЕШНОСТЬ ИСХОД-
НОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

— Успокаивает? — спросил я.

— Нет.

— Меня тоже.

Левин постучал пальцами по столу.

— Но система признаёт существование исходной структуры и обещает остаться в пределах погрешности.

— Профессор, — сказала Кира, — вы сейчас обсуждаете изменение человеческого мозга так, будто речь идёт о калибровке датчика.

— Потому что другого языка у нас пока нет.

— Есть. Можно сказать: «Мы не понимаем, что она делает».

— Это тоже верно.

Я снова взглянул на предложение.

Система уже умела воздействовать на боль. Она строила модель моего организма, читала намерения и показывала информацию прямо в сознании.

Разница между «принять навык» и «ничего не делать» становилась всё менее очевидной.

Я выбрал:

ПРИНЯТЬ

Окно исчезло.

Никаких вспышек, боли или потери сознания не произошло.

В левом виске возникло лёгкое давление, словно под кожей надувался крошечный пузырь. Потом давление переместилось к затылку и растворилось.

— Что произошло? — спросила Кира.

— Пока ничего.

ВЫПОЛНЯЕТСЯ ФОРМАЛИЗАЦИЯ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ УСТОЙЧИВОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЙ

Передо мной начали появляться короткие фрагменты воспоминаний.

Журнал ошибок на мониторе.

Строка без идентификатора источника.

Визуальное смещение центральной камеры.

Несоответствие между отключённым питанием и растущей связностью.

Нажатие аварийной кнопки.

Момент, когда система объявила меня существующим до собственного описания.

Она просматривала не всю память.

Только эпизоды, в которых я замечал расхождение между ожидаемым и наблюдаемым.

Каждый фрагмент раскладывался на последовательность операций:

зафиксировать ожидаемое состояние;

получить фактическое состояние;

сравнить;

выделить несоответствие;

оценить воспроизводимость;

найти минимальный набор условий.

Я делал это много лет.

Система превращала профессиональную привычку в формальный алгоритм.

ОПЕРАТОР СОЗДАН

НАВЫК ПОЛУЧЕН: ПОИСК НЕСООТВЕТСТВИЙ

УРОВЕНЬ ФОРМАЛИЗАЦИИ: 1

— Готово, — сказал я.

— Что ты чувствуешь? — спросил медик.

— Ничего необычного.

— Головная боль?

— Нет.

— Тошнота?

— Нет.

— Провалы памяти?

— Если бы я забыл, то не смог бы сообщить.

Медик не оценил.

Я посмотрел на стакан воды, стоявший на столе.

Сначала ничего не произошло.

Потом рядом с ним появилась тонкая серая рамка.

ОБЪЕКТ: ЛОКАЛЬНАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

МОДЕЛЬ ДОСТАТОЧНА

Я перевёл взгляд на кардиограф.

ОБЪЕКТ: ИЗМЕРИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

**НЕСООТВЕТСТВИЕ: ВНУТРЕННЕЕ ВРЕМЯ ОТСТАЁТ ОТ ЛОКАЛЬНОГО
НА 0,0041 СЕКУНДЫ**

— Часы кардиографа отстают на четыре и одну десятитысячную миллисекунды, — сказал я.

Медик посмотрел на прибор.

— От чего отстают?

— От локального времени.

— Наши приборы не синхронизированы с точностью до микросекунд.

— Тогда проверить не сможете.

Я перевёл взгляд на профессора.

Вокруг него проявилась сеть неярких контуров. Система сопоставляла положение тела, сердцебиение, температуру и ещё сотни параметров.

МОДЕЛЬ НЕПОЛНА

НЕОПИСАННЫЕ СТРУКТУРЫ: 16,8%

У Киры показатель оказался другим.

НЕОПИСАННЫЕ СТРУКТУРЫ: 19,4%

Я посмотрел на Мальцева.

И снова увидел пустоту.

Серый контур обрывался у груди, шеи и части головы. На месте параметров находилось ровное тёмное пятно.

Не ошибка.

Не неопределённость.

Отсутствие данных.

Я активировал навык, сосредоточившись на противоречии.

Мир стал резче.

Звуки отдалились. Цвета потеряли насыщенность. Зато границы объектов проявились тонкими линиями.

Над Мальцевым появился текст:

**НАБЛЮДАЕМОЕ СОСТОЯНИЕ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ДОСТУПНОЙ
МОДЕЛИ**

ПРИЧИНА 1: БЛОКИРОВКА НАБЛЮДЕНИЯ

ПРИЧИНА 2: ОТСУТСТВИЕ ЧАСТИ СТРУКТУРЫ

ПРИЧИНА 3: ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

Я отключил навык.

Виски пронзила короткая боль.

— Андрей? — Кира заметила, как я поморщился.

— Всё нормально.

— Ты на него смотрел.

Мальцев не шевельнулся.

— Что вы увидели?

— Пока недостаточно данных.

— Я требую ответа.

— А я требовал представиться до начала допроса. Мы оба пережили разочарование.

Профессор посмотрел на Мальцева, затем на меня.

Он понял, что я что-то скрываю, но не стал спрашивать.

За это я был ему благодарен.

Я вызвал внешний запрос и применил к нему «Поиск несоответствий».

Серые линии протянулись от вопроса в пространство, которого я не видел. Запрос имел математическую структуру: набор условий, описание совместимости канала, параметры наблюдения и подпись источника.

Именно подпись оказалась неправильной.

НЕСООТВЕТСТВИЕ ОБНАРУЖЕНО

ЗАПРОС ОБОЗНАЧЕН КАК ВНЕШНИЙ

ЧАСТЬ ИСТОЧНИКА УЖЕ ПРИСУТСТВУЕТ В ЛОКАЛЬНОМ УЗЛЕ

Я перечитал сообщение.

— Что там? — спросил Левин.

— Запрос не полностью внешний.

— Поясни.

— Часть источника уже находится здесь.

Мальцев шагнул к двери.

— Всем покинуть помещение.

— Стойте, — сказал профессор. — Что означает «часть источника»?

— Не знаю. Возможно, данные. Возможно, элемент канала. Возможно...

Я посмотрел на людей в комнате.

На профессора.

На Киру.

На медика.

На Мальцева.

Навык снова выделил тёмный участок в его модели.

— Возможно, носитель.

Мальцев медленно повернулся ко мне.

— Вы на что-то намекаете?

— Я проверяю гипотезу.

— Какую?

— Что внешний запрос пришёл не только по каналу передатчика.

Женщина в серой форме вернулась в комнату.

— Группа изоляции готова.

— Проверить всех, кто находился в лаборатории, — приказал Мальцев. — Полный досмотр, анализ крови, электромагнитный контроль.

— Уже проводится.

— Отдельно персонал, имевший доступ до запуска.

Я активировал навык и посмотрел на женщину.

Её модель была неполной, но обычной.

Затем на медиков.

На охранников за стеклом.

Никаких вырезанных участков.

Только у Мальцева.

— Откуда вы узнали об эксперименте? — спросил я.

— Это закрытая информация.

— Когда вас включили в группу наблюдения?

— Не имеет отношения к происходящему.
— Имеет, если часть источника уже находилась в лаборатории.
Женщина в форме положила руку на кобуру.
— Вы обвиняете Виктора Сергеевича?
— Я задаю вопросы.
— На основании галлюцинации?
— На основании системы, из-за которой вы закрыли весь институт.
Мальцев смотрел на меня спокойно.
Слишком спокойно.
— Что именно вы видите?
Я решил не рассказывать о пустоте в его модели.
Пока.

— Несоответствие между заявленным источником запроса и его фактической структурой.

— Это может быть ошибкой вашего нового навыка.
— Может.
— Тогда не делайте выводов.
— Я и не делаю. Я собираю данные.
— Ваша работа закончена.
— Боюсь, система считает иначе.

ДО ПЕРВИЧНОЙ СИНХРОНИЗАЦИИ: 23:31:02

Внешний запрос мигнул.

**УСТОЙЧИВОСТЬ КАНАЛА СНИЖАЕТСЯ
ОЖИДАЕТСЯ ОТВЕТ**

— Канал разрушается, — сказал я.
— Отлично, — ответил Мальцев. — Ничего не выбирайте.
Я применил навык ещё раз.

Теперь структура запроса раскрылась глубже. Я увидел две ветви — разрешение и отказ.
Обе действительно передавали ответ.

Но была ещё третья возможность, которой интерфейс не показывал.

Между состояниями «разрешить» и «отклонить» существовал короткий участок неопределённости. Запрос был построен так, чтобы получить двоичное решение, однако сама система работала с интервальными состояниями.

Мы могли сформировать ответ, который не являлся ни согласием, ни отказом.

— Есть третий вариант, — сказал я.
— На экране его нет, — напомнила Кира.
— Но он есть в математической структуре.

Левин сразу понял.

— Неполное условие?

— Интервальный ответ. Разрешить ограниченную наблюдаемость без раскрытия модели узла.

— Например, передать только подтверждение существования канала?
— Именно.

Мальцев покачал головой.

— Ничего передавать нельзя.

— Если промолчим, канал исчезнет, — сказал профессор. — И мы потеряем единственный известный контакт с другим миром.

— Это предпочтительнее вторжения.
— Вы уже называете контакт вторжением.

— Потому что другая сторона пытается увидеть Землю.
— А мы пытаемся увидеть её.
— Мы ничего не запрашивали.
Я посмотрел на Левина.
— Теоретически можно отправить нулевое описание.
— Что это значит?
— Подтвердить наличие наблюдателя, но не передавать координаты, биологические данные или структуру узла. Один импульс: «сигнал принят».
— Они узнают, что здесь кто-то есть, — сказала Кира.
— Да.
— И смогут ответить?
— Возможно.
— А смогут открыть канал?
— Не знаю.
Мальцев подошёл вплотную.
— Вы не имеете права принимать такое решение за всю планету.
— Согласен.
— Тогда остановитесь.
— Кто имеет?
Он ничего не сказал.
До потери устойчивости канала могло оставаться несколько секунд.
Созвать международную комиссию мы не успевали.
Даже если бы успевали, люди, не видевшие структуру запроса, всё равно обсуждали бы перевод двух слов.
Разрешить.
Отклонить.
Оба варианта были неправильными.
Я вспомнил первую главу нашего эксперимента — случайную последовательность, которая должна была доказать существование структуры в квантовых корреляциях.
Мы пытались отправить сообщение.
Но первыми получили чужое.
— Я не буду разрешать наблюдаемость, — сказал я.
Мальцев едва заметно расслабился.
— И не буду отклонять.
— Что вы собираетесь сделать?
— Отправить подтверждение приёма без описания узла.
— Я запрещаю.
— Запротоколируйте.
Я сосредоточился на структуре запроса.
Нулевой ответ нельзя было сформулировать словами. Требовалось создать математическое состояние, которое подтверждало существование получателя, но оставляло все его параметры неопределёнными.
Единица без подписи.
Факт наблюдения без наблюдателя.
В человеческой связи это было бы похоже на короткий импульс в ответ на стук из-за стены.
Не открывать дверь.
Не спрашивать, кто там.
Просто один раз постучать в ответ.

Я выделил минимальную допустимую область и исключил из неё данные локального узла. Система сопротивлялась.

ОТВЕТ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ДОСТУПНЫМ ВАРИАНТАМ

Я применил «Поиск несоответствий» к самому сообщению.

ДОСТУПНЫЕ ВАРИАНТЫ НЕ ОХВАТЫВАЮТ ВСЕ ДОПУСТИМЫЕ СОСТОЯНИЯ

— Нашёл, — прошептал я.

ОБНАРУЖЕНА ОШИБКА ПРОТОКОЛА

ВОЗМОЖНА ПЕРЕДАЧА НЕОПРЕДЕЛЁННОГО СОСТОЯНИЯ

ПОДТВЕРДИТЬ?

— Андрей, — сказала Кира, — ты уверен?

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что уверенности не будет ни через минуту, ни через год.

Я подтвердил.

Интерфейс исчез.

По комнате прошёл едва ощутимый толчок.

Не звук и не движение воздуха. На долю секунды моё сердце сократилось одновременно с гулом, пришедшим откуда-то из центральной лаборатории.

Кардиограф издал резкий сигнал.

Свет мигнул.

В стене что-то щёлкнуло.

А потом всё стихло.

— Что произошло? — спросил Мальцев.

Я посмотрел на интерфейс.

НЕОПРЕДЕЛЁННЫЙ ОТВЕТ ПЕРЕДАН

ОБЪЁМ РАСКРЫТОЙ ИНФОРМАЦИИ: 0

— Отправили ноль данных.

— Это невозможно, — сказал Левин. — Сам факт ответа уже является информацией.

Система словно услышала его.

ОБЪЁМ РАСКРЫТОЙ СТРУКТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: 0

— Структурной, — уточнил я. — Факт существования канала они получили.

Мальцев сжал челюсть.

— Если последствия...

Он не закончил.

Над вопросом появился новый статус:

ВНЕШНИЙ ЗАПРОС ЗАВЕРШЁН

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем возникла одна точка.

Она пульсировала в центре поля зрения с ровным интервалом.

Раз.

Пауза.

Раз.

Пауза.

— Что теперь? — спросила Кира.

— Ответ.

Точка раскрылась в короткую математическую последовательность.

Она была намного проще исходного сигнала. Без сложных тензоров и многомерных операторов.

Только ритм.

Интервал.

Повтор.

— Это не сообщение, — сказал профессор. — Это подтверждение присутствия.

Я кивнул.

Другой мир постучал в ответ.

Первый импульс прошёл через канал.

Потом второй.

Третий.

Интервалы между ними были одинаковыми до предела, который я мог воспринять.

Система начала перевод.

ПОЛУЧЕНО ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ВЗАИМНОЙ НАБЛЮДАЕМОСТИ

— Мы не разрешали наблюдаемость, — сказал Мальцев.

— Мы подтвердили канал, — ответил Левин. — Для другой стороны этого оказалось достаточно.

ИСТОЧНИК ПЕРЕДАЁТ БАЗОВОЕ СОСТОЯНИЕ

Перед глазами появились три значения.

ЦЕЛОСТНОСТЬ УЗЛА: 4,7%

БИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ: 0,00018%

ВРЕМЯ ДО РАСПАДА СВЯЗНОСТИ: 71 ЛОКАЛЬНЫЙ ЦИКЛ

Кира прочитала числа по моему лицу.

— Что там?

— Их мир умирает.

Профессор медленно сел.

— Насколько быстро?

— Не знаю, что такое локальный цикл. Но целостность меньше пяти процентов.

— Биологическая активность?

— Почти нулевая.

Мальцев подошёл к стеклу.

— Это может быть приманка.

— Может, — сказал я.

— Они могли передать любые числа.

— Могли.

— Тогда мы ничего не знаем.

Я активировал «Поиск несоответствий».

Структура ответа засветилась серыми линиями. Я ожидал увидеть противоречия, скрытые параметры или несоответствие модели.

Но навек показал другое:

НАБЛЮДАЕМОЕ СОСТОЯНИЕ СОГЛАСУЕТСЯ С ПЕРЕДАННЫМ ОПИСАНИЕМ

ДОСТОВЕРНОСТЬ В ПРЕДЕЛАХ ДОСТУПНОЙ МОДЕЛИ: ВЫСОКАЯ

— Они не лгут, — сказал я.

— Ваш навек не может знать этого, — возразил Мальцев.

— Он показывает, что математическая структура сигнала соответствует заявленному состоянию.

— Сигнал мог быть подделан целиком.

— Тогда это очень хорошая подделка.

Точка снова пульсировала.

На этот раз ритм изменился.

Два коротких импульса.

Один длинный.

Пауза.

Повтор.

Система переводила медленнее. Некоторые понятия не имели русских аналогов.

ИСТОЧНИК ЗАПРАШИВАЕТ...

Фраза исчезла.

Появилась снова:

ИСТОЧНИК ЗАПРАШИВАЕТ ПЕРЕНОС СОХРАНЯЕМОЙ СТРУКТУРЫ

— Перенос чего? — спросил профессор.

Я уточнил.

Что такое сохраняемая структура?

МИНИМАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА, ДОСТАТОЧНОЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В ДРУГОМ УЗЛЕ

В комнате стало очень тихо.

— Они хотят передать нам живое существо, — сказал я.

Женщина в серой форме достала оружие.

Мальцев повернулся к охране.

— Полная изоляция лаборатории. Немедленно.

— Запрос ещё не принят, — сказал профессор.

— Это не имеет значения.

— Имеет. Пока ничего не переносится.

Я посмотрел на интерфейс.

Передо мной уже появились варианты:

РАЗРЕШИТЬ ПЕРЕНОС

ОТКЛОНИТЬ

Я не собирался выбирать.

Не сейчас.

Но «Поиск несоответствий» активировался почти сам.

Серые линии прошли через запрос и потянулись в сторону центральной камеры.

Навык выдал предупреждение:

НЕСООТВЕТСТВИЕ ОБНАРУЖЕНО

ЗАПРОС НА ПЕРЕНОС СФОРМИРОВАН ПОСЛЕ НАЧАЛА ПЕРЕДАЧИ

Я почувствовал, как холодеют пальцы.

— Что? — спросила Кира.

— Они сначала начали передачу.

— А потом запросили разрешение?

— Да.

Мальцев ударил ладонью по кнопке внутренней связи.

— Группа изоляции, в центральный зал!

Система продолжала анализ.

ПЕРЕДАНО: 0,0000003%

ПЕРЕДАНО: 0,0000007%

ПЕРЕДАНО: 0,0000014%

— Процесс ускоряется.

— Остановите! — приказал Мальцев.

— Я не запускал его.

Я мысленно выбрал «отклонить».

Интерфейс ответил:

ОТКАЗ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИМЕНЁН К УЖЕ НАЧАТОМУ ПРОЦЕССУ

— Не останавливается.

Профессор вскочил.

— Передача идёт через центральную камеру?

Я посмотрел сквозь стекло переговорной в сторону коридора, за которым находилась лаборатория.

Навык подсветил направление.

Серые линии проходили через стены.

— Да.

Из внутренней связи донёсся голос охранника:

— Входим в экспериментальный зал.

На стенном экране появилось изображение с камеры наблюдения.

Центральный цилиндр оставался неподвижным.

Вокруг него стояли четверо вооружённых сотрудников. Один держал прибор электромагнитного контроля, другой направил оружие на камеру.

— Визуально чисто, — сообщил командир группы.

ПЕРЕДАНО: 0,000011 %

— Приборы ничего не показывают, — сказал техник.

ПЕРЕДАНО: 0,000026 %

Изображение дрогнуло.

На полу перед центральной камерой появилась тёмная точка.

Сначала размером с пылинку.

Потом с монету.

— Контакт! — крикнул охранник.

Точка не лежала на поверхности пола.

Она находилась внутри изображения, будто часть пространства перестала отражать свет.

ПЕРЕДАНО: 0,000071 %

Тёмное пятно вытянулось вверх.

Края дрожали, распадаясь на мелкие геометрические фрагменты.

Один из охранников отступил.

— Что это?

Я активировал навык.

Над пятном появилась рамка.

ОБЪЕКТ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ЛОКАЛЬНОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

СТРУКТУРА НЕПОЛНА

БИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ПОДТВЕРЖДЕНА

— Живое, — сказал я.

— Там ещё ничего нет, — ответила Кира.

— Уже есть.

На экране пятно продолжало расти.

Сначала возникли тонкие опоры, похожие на согнутые конечности.

Потом бесформенный корпус.

Материя появлялась не из воздуха. Бетон вокруг точки покрывался сетью белых трещин. Металлическая стружка поднималась с пола. Из труб охлаждения исчезал иней.

Система собирала тело из того, что находилось рядом.

— Отойти! — приказал командир.

Охранники направили оружие на формирующийся объект.

ПЕРЕДАНО: 0,0012 %

Всего одна тысячная процента.

А у существа уже появились конечности.

Слишком длинные.

Слишком тонкие.

Они опирались на пол в четырёх точках, но суставы сгибались не в тех направлениях, к которым привык человеческий глаз.

Над центральной камерой вспыхнула дуга света.

Изображение пропало.

Внутренняя связь заполнилась треском.

Потом раздался крик.

Один.

Короткий.

И тишина.

— Группа, ответьте! — потребовала женщина в форме.

Шум.

— Группа изоляции, доклад!

На стенном экране возник один кадр.

Центральный зал.

Размытые фигуры охранников.

Чёрный силуэт на полу.

И два бледных круглых образования там, где у земного животного могла находиться голова.

Кадр исчез.

Перед глазами появилось новое системное сообщение:

ПЕРВИЧНАЯ МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ПРЕРВАНА

ПЕРЕНЕСЁННЫЙ ОБЪЕКТ НЕПОЛОН

ВЕРОЯТНОСТЬ СОХРАНЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: 8,3%

Я почувствовал облегчение.

Слишком рано.

Ниже появилась последняя строка:

ОБЪЕКТ ИЩЕТ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЗАВЕРШЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ

Из коридора донёсся удар.

Потом ещё один.

Тяжёлый.

Размеренный.

Что-то двигалось к медицинскому блоку.

Не потому, что знало, где мы находимся.

Потому что за стенами находилось достаточно живого материала, чтобы закончить сборку.

Глава 5. Объект вне модели

Удар повторился.

Глухой, тяжёлый, будто в коридоре роняли металлический шкаф.

Потом ещё один.

Ближе.

Свет в медицинском блоке мигнул. На стенном экране рассыпалось изображение центральной лаборатории, осталось только серое поле с надписью:

СИГНАЛ ОТСУТСТВУЕТ

Женщина в форме вытащила пистолет.

— Всем отойти от двери.

Медик схватил переносной кардиограф и попытался оттащить его к стене, словно прибор мог послужить укрытием.

Кира осталась рядом со мной.

— Ты можешь определить, где оно?

Я активировал «Поиск несоответствий».

Мир выцвел.

Стены превратились в полупрозрачные поверхности, испещрённые линиями коммуникаций, температурными градиентами и участками напряжения. За дверью тянулся коридор. Дальше, за двумя поворотами, двигалось нечто, что система не могла вписать в локальную модель.

Серые линии вокруг объекта обрывались.

ОБЪЕКТ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ДОСТУПНОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

СОСТОЯНИЕ: НЕЗАВЕРШЁННОЕ

СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: 1,6%

БИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ: НЕСТАБИЛЬНА

Под сообщением быстро менялись параметры:

МАССА: 31,4 / 46,8 / 52,1

КОЛИЧЕСТВО КОНЕЧНОСТЕЙ: 4 / 6 / НЕ ОПРЕДЕЛЕНО

ТЕМПЕРАТУРА: 286–319 К

Числа не сходились.

Объект существовал сразу в нескольких несовместимых описаниях.

— Оно в сорока метрах, — сказал я. — Двигается к нам.

— Скорость? — спросила женщина.

Я посмотрел на траекторию.

— Неровная. От метра до четырёх метров в секунду.

— Сколько их?

— Одно.

Новое сообщение всплыло поверх прежнего:

ОШИБКА: КОЛИЧЕСТВО ОБЪЕКТОВ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ УСТОЙЧИВЫМ ПАРАМЕТРОМ

— Или не одно.

— Что значит «или»?

— Система не может определить.

Мальцев подошёл к внутреннему переговорному устройству.

— Посты два и три, объект движется к медицинскому блоку. Перекрыть коридор. Огонь только по команде.

Из динамика донёлся ответ:

— Пост два понял.

Второй голос не ответил.

— Пост три?

Тишина.

— Пост три, доложить обстановку.

Помехи.

Затем слабый звук, похожий на влажное дыхание.

Мальцев отключил канал.

— Сколько человек на третьем посту? — спросил я.

— Двое.

— Были.

Кира посмотрела на меня.

— Ты видел?

— Нет.

— Тогда не говори так.

Она была права.

Но навык показывал на полу коридора два участка, где тепловые и материальные следы внезапно обрывались. Рядом появились новые фрагменты в модели существа.

Кальций.

Железо.

Вода.

Органические полимеры.

— Оно использует материю, — сказал я.

— Мы уже поняли, — ответила женщина.

— Не просто использует. Включает в себя всё, что подходит для восстановления структуры.

— Людей?

— Их тела состоят из подходящего материала.

Медик поблел.

Профессор Левин смотрел не на дверь, а на меня.

— Оно выбирает материал по химическому составу или по функции?

— Не знаю.

— Это важно.

— Для чего?

— Если по составу, его можно отвлечь запасами органики. Если по функции, оно будет искать уже сформированные органы.

В комнате стало ещё тише.

— Спасибо, профессор, — сказала Кира. — Без этой мысли было значительно спокойнее.

Удар раздался совсем рядом.

Что-то врезалось в противопожарную дверь на повороте коридора.

Металл застонал.

Женщина подняла оружие.

— Всем на пол.

— Там герметичная дверь, — сказал медик. — Она выдерживает перепад давления в несколько атмосфер.

Дверь прогнулась внутрь.

— Видимо, не выдерживает это, — ответил Мальцев.

Красный индикатор над входом замигал.

Сначала медленно.

Потом быстрее.

На стенном экране появилась схема сектора. Противопожарная дверь между коридорами отображалась жёлтым цветом.

Через секунду стала красной.

ПОВРЕЖДЕНИЕ ЗАПОРНОГО МЕХАНИЗМА

Я смотрел сквозь стену.

Существо прижималось к металлу всем корпусом. Его конечности проникали в щель между створкой и рамой не потому, что были достаточно тонкими.

Они становились тонкими в процессе.

Модель перестраивалась под препятствие.

— Оно адаптируется, — сказал я.

— Насколько быстро? — спросил Мальцев.

— Мгновенно.

— Это невозможно для биологического организма.

— Для полноценного — возможно. Для математического описания, которое только собирает биологическое тело, ограничений меньше.

Профессор кивнул.

— Пока структура не зафиксирована, она перебирает допустимые решения.

Я применил навык к двери и объекту одновременно.

Перед глазами возникли две области состояний. Металл имел почти точные параметры. Существо — широкие интервалы, пересекавшиеся с возможными состояниями окружающей материи.

Оно не ломало дверь в обычном смысле.

Оно искало вариант собственного тела, при котором дверь переставала быть препятствием.

ОБНАРУЖЕНО НЕСООТВЕТСТВИЕ

ЛОКАЛЬНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ НЕ ВХОДИТ В ИСХОДНУЮ МОДЕЛЬ ОБЪЕКТА

ВЫПОЛНЯЕТСЯ АДАПТАЦИЯ

— Отойдите от вентиляции, — сказал я.

— Почему? — спросила Кира.

— Если не сможет пройти через дверь, попробует другой путь.

Мальцев посмотрел на решётку под потолком.

— Перекрыть вентиляционные заслонки.

Женщина открыла панель управления.

— Не отвечает.

— Ручное перекрытие?

— В соседнем техническом помещении.

Снова удар.

Противопожарная дверь сорвалась с верхнего крепления.

На схеме красная линия исчезла.

Пост два открыл огонь.

Грохот автоматических выстрелов прокатился по коридору, отражаясь от бетонных стен.

Кто-то закричал:

— Цель поражена!

Ещё очередь.

— Оно продолжает движение!

Выстрелы участились.

Потом раздался звук, который я сначала принял за помехи.

Но это были голоса.

Несколько голосов, наложенных друг на друга.

Они повторяли короткие обрывки:

— Не...

— Огонь...

— Помоги...

— Не стреляй...

Голоса принадлежали людям.

Разным.

Один из них — командиру группы изоляции, которого мы слышали в центральном зале.

Кира закрыла рот ладонью.

— Оно говорит?

— Использует записи, — сказал Мальцев.

— Или голосовые органы людей, которых поглотило, — добавил профессор.

— Сейчас не время.

— Именно сейчас важно понять механизм.

Стрельба оборвалась.

Последний голос в динамике произнёс:

— Цель...

Потом хруст.

Связь отключилась.

На схеме сектора погасли индикаторы поста два.

Объект снова начал двигаться.

Теперь быстрее.

РАССТОЯНИЕ: 18,3 М

СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: 2,1%

Он увеличил целостность на половину процента.

Ценой четырёх или пяти человеческих тел.

— Здесь есть второй выход? — спросила Кира.

Медик показал на маленькую дверь у дальней стены.

— В процедурную. Из неё — в технический коридор.

Женщина проверила панель.

— Заблокирована системой изоляции.

— Разблокировать.

— У меня нет доступа.

Мальцев достал карту.

— У меня есть.

Он приложил её к считывателю.

Красный индикатор не изменился.

— Доступ отклонён, — сказала панель.

— Ещё раз.

ДОСТУП ОТКЛОНЁН

Я активировал навык.

Вокруг замка появилась серая рамка.

УПРАВЛЯЮЩАЯ КОМАНДА ПОЛУЧЕНА

ИСТОЧНИК КОМАНДЫ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ ТЕКУЩЕМУ ВЛАДЕЛЬЦУ СИСТЕМЫ

— Система здания больше не считает вас владельцем доступа.

— Кто владелец? — спросил Мальцев.

Я посмотрел глубже.

Линии управления от замка уходили к локальному контроллеру, оттуда — в центральную лабораторию, а затем растворялись в новом канале связности.

— Не человек.

Первый удар в нашу дверь пришёлся на середину створки.

Металл прогнулся на несколько сантиметров.

Медик попятился.

Женщина и два охранника встали полукругом перед входом.

— При открытии огонь по центру массы, — сказала она.

— Центр массы меняется, — предупредил я.

— Тогда по всему.

Второй удар.

По стене пошла трещина.

Я снова посмотрел на Мальцева.

Тёмный провал в его модели не исчез.

Напротив, рядом с приближающимся существом он стал заметнее.

Между ними протянулась тонкая линия.

Не материальная.

Информационная.

— Вы связаны с ним, — сказал я.

Мальцев медленно повернул голову.

— Что?

— Между вашей моделью и объектом есть связь.

Женщина посмотрела на него.

— Виктор Сергеевич?

— Он испытывает последствия воздействия. Не реагируйте.

— Я вижу линию передачи.

— Какую передачу?

Я активировал навык на полную глубину.

Боль ударила в виски.

Тёмный участок в теле Мальцева раскрылся.

Там находилась не пустота.

Сжатая структура.

Часть математического описания, несовместимая с человеческим организмом и скрытая от локального наблюдения.

НЕСООТВЕТСТВИЕ УТОЧНЕНО

ОБЪЕКТ СОДЕРЖИТ ФРАГМЕНТ ВНЕШНЕЙ МОДЕЛИ

ФРАГМЕНТ НЕАКТИВЕН

ОБНАРУЖЕН ЗАПРОС НА СИНХРОНИЗАЦИЮ

— В вас есть фрагмент внешней модели.

Мальцев не моргнул.

Но его пульс ускорился. Система показала это раньше, чем изменилось выражение лица.

— Это бессмыслица.

— Вы были подключены к источнику до начала эксперимента.

— Нет.

— Тогда объясните, почему существо идёт сюда.

— Здесь находится передатчик.

— Передатчик в другой части комплекса.

Третий удар.

В дверной створке появилась узкая щель.

Из неё показалось что-то тёмное и влажное.

Охранник выстрелил.

Пуля попала в отросток. Тот разлетелся чёрными брызгами, но почти сразу собрался заново, втянув в себя осколки металла.

— Не стрелять! — крикнул я.

Женщина посмотрела на меня как на сумасшедшего.

— Оно поглощает пули.

— Пули повреждают его!

— И дают металл для восстановления.

Четвёртый удар сорвал замок.

Дверь распахнулась внутрь.

Существо остановилось на пороге.

В первые секунды мой мозг пытался собрать его в знакомый образ.

Четвероногое животное.

Человек на нескольких конечностях.

Большое насекомое.

Ни одно сравнение не подходило.

У существа не было постоянной формы.

Основной корпус поднимался примерно на полтора метра над полом. Его покрывали участки полупрозрачной ткани, между которыми виднелись металлические фрагменты, куски ткани, белые пластины костей и переплетения тёмных волокон.

Шесть конечностей касались пола.

Ещё две не закончили формирование и висели вдоль корпуса, вздрагивая в такт внутренним сокращениям.

В передней части располагались два светлых округлых образования.

Не глаза.

Скорее органы, пытавшиеся стать глазами из доступного материала.

Между ними открывалось несколько ротовых отверстий.

Одно человеческое.

Другое состояло из двух вертикальных щелей.

Третье появлялось и исчезало при каждом движении.

Женщина выстрелила.

Три пули вошли в корпус.

Существо дёрнулось.

Из всех ртов одновременно вырвался крик.

Человеческий.

Детский.

— Прекратить! — закричал профессор.

Охранники продолжали стрелять.

Существо рванулось вперёд.

Не на них.

На Мальцева.

Я увидел траекторию ещё до движения.

— В сторону!

Толкнул Мальцева плечом.

Он упал.

Существо пролетело там, где только что находилась его грудь, и врезалось в стол. Металл смялся. Контейнеры с медицинскими инструментами рассыпались по полу.

Один из охранников оказался слишком близко.

Длинная конечность обвилась вокруг его ноги.

Он выстрелил вниз.

Существо рвануло.

Охранник упал, ударившись головой.

Чёрная ткань поползла по его ботинку к колену.

Я активировал навык.

ОБЪЕКТ ИЩЕТ СОВМЕСТИМУЮ СТРУКТУРУ

ЦЕЛЬ: НЕ МАТЕРИАЛ

ЦЕЛЬ: ФРАГМЕНТ ИСХОДНОЙ МОДЕЛИ

— Оно пришло не за телами!

Женщина выстрелила ещё раз.

— Тогда за чем?

— За тем, что находится в Мальцеве!

Существо отпустило охранника.

Подтверждение.

Оно использовало людей только для восстановления, но двигалось к конкретной цели.

Мальцев попытался подняться.

Из его носа текла кровь.

— Убейте его, — сказал он.

Я не сразу понял, к кому относится приказ.

Женщина направила оружие на существо.

Кира схватила её за запястье.

Выстрел ушёл в потолок.

— Вы с ума сошли?!

— Оно разумное! — крикнула Кира.

— Оно убило людей!

— Потому что его собирают по частям!

Существо повернуло светлые органы в нашу сторону.

Один из ртов открылся.

— По...

Звук сорвался.

Другой рот продолжил:

— Мо...

Третий:

— Ги.

Оно произнесло:

— Помоги.

Медик застыл.

Профессор медленно поднял пустые руки.

— Мы вас слышим.

Существо дёрнулось.

Его передняя конечность раскололась на три тонких отростка. Один указал на Мальцева.

Другой — на меня.

Третий поднялся к потолку.

Из ртов пошёл набор звуков.

Человеческие слова перемешивались с щелчками и низкими вибрациями.

— Вернуть...

— Часть...

— Узел...

— Не...

— Умирать...

Я активировал интерфейс перевода.

Система попыталась наложить русские понятия на сигнал существа.

ОБЪЕКТ ПЕРЕДАЁТ НЕУСТОЙЧИВОЕ СООБЩЕНИЕ

СМЫСЛОВАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ: 6,2%

— Говори медленнее, — сказал я.

Существо замерло.

Я не знал, понимает ли оно русский, но математический канал мог передать намерение.

— Ты пришло за фрагментом?

Светлые органы повернулись к Мальцеву.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

— Что это за фрагмент?

Вместо ответа существо издало импульс.

Интерфейс наполнился формулами.

Они были проще, чем структура Системы, но сложнее человеческой речи. В центре находилась модель, похожая на свёрнутый многомерный объект.

Часть была отделена.

Перенесена.

Спрятана внутри биологического носителя.

Я перевёл:

— Это ключ?

Система предложила варианты смысла:

КЛЮЧ

НАЧАЛЬНОЕ УСЛОВИЕ

ФРАГМЕНТ ПАМЯТИ

КООРДИНАТА ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Все одновременно.

— В Мальцеве находится часть описания их мира.

Профессор побледнел.

— Как она туда попала?

Мальцев поднялся, опираясь на стену.

— Не слушайте его.

Я посмотрел на него.

— Вы знали о сигнале.

— Нет.

— Возможно, не сознательно. Но фрагмент оказался в вас до эксперимента.

— Это невозможно.

— Где вы были до приезда сюда?

— Не ваше дело.

Существо снова рванулось к нему.

Женщина открыла огонь.

На этот раз пули разрушили одну из конечностей почти полностью. Существо рухнуло на бок.

Из его корпуса вылилась тёмная жидкость.

СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: 1,3%

ВЕРОЯТНОСТЬ СОХРАНЕНИЯ АКТИВНОСТИ: 4,1%

Оно умирало.

Но продолжало тянуться к Мальцеву.

— Прекратите огонь! — сказал я.

— Оно пытается его убить!

— Нет. Пытается забрать фрагмент.

— Это может убить Виктора Сергеевича.

— Может.

Мальцев посмотрел на меня.

— Наконец-то вы поняли.

Слишком спокойный ответ.

— Вы знаете, что произойдёт.

Он промолчал.

Навык подсветил несоответствие.

УТВЕРЖДЕНИЕ ОБЪЕКТА НЕ СООТВЕТСТВУЕТ НАБЛЮДАЕМОМУ СОСТОЯНИЮ

ПРИЧИНА: СОКРЫТИЕ ДОСТУПНОЙ ИНФОРМАЦИИ

— Вы всё знали.

— Я ничего не обязан вам объяснять.

— Из-за вас погибли люди.

— Из-за вашего решения ответить на запрос.

Это попало точно.

Я действительно отправил импульс.

Я подтвердил существование Земли.

Я открыл канал, пусть и не передал данные.

Но передача существа началась раньше разрешения.

И часть его модели уже находилась здесь.

Эксперимент не создал контакт с нуля.

Он завершил что-то начатое раньше.

— Когда фрагмент попал в вас? — спросил я.

— Андрей, — сказал профессор, — сейчас важнее остановить распад существа.

— Если оно умрёт, мы потеряем единственного свидетеля.

Кира посмотрела на тёмную жидкость, растекавшуюся по полу.

— Как ему помочь?

Я изучил модель.

Существо теряло не кровь. Оно теряло связность. Отдельные участки переставали принадлежать одному организму и превращались в случайную смесь земной материи.

Для стабилизации требовалось завершить базовое описание.

Фрагмент в Мальцеве мог стать граничным условием.

Без него система перебирала несовместимые формы.

— Нужно соединить его с фрагментом.

Женщина встала между существом и Мальцевым.

— Исключено.

— Тогда оно распадётся.

— Предпочтительно.

— И мы не узнаем, кто отправил его и что происходит с другим миром.

— Это не стоит жизни человека.

Мальцев неожиданно рассмеялся.

Тихо.

Без веселья.

— Вы всё ещё думаете, что речь идёт о моей жизни?

Он расстегнул верхние пуговицы рубашки.

Под кожей на груди проступал геометрический узор.

Тонкие тёмные линии образовывали неправильный многогранник. Они двигались под кожей, меняя углы и соединения.

Кира отступила.

— Что это?

— Последствие первой передачи, — сказал Мальцев.

— Какой первой?

— Девять месяцев назад мы получили слабый импульс на другом комплексе.

Профессор шагнул к нему.

— Каком комплексе?

— ККП-3.

Левин замер.

— Третья версия была уничтожена при аварии.

— Официально.

— Там погибли шесть человек.

— Пятеро.

Мальцев коснулся узора на груди.

— Шестой выжил.

— Вы?

— В некотором смысле.

Существо издало низкий звук.

Интерфейс перевёл:

ХРАНИТЕЛЬ

ПОХИТИТЕЛЬ

ПОВРЕЖДЁННЫЙ НОСИТЕЛЬ

Три значения наложились друг на друга.

— Вы украли часть их модели, — сказал я.

— Мы сохранили то, что пришло через канал.

— Внутри человека?

— Другого контейнера не оказалось.

— Вы знали, что ККП-4 снова откроет связь.

— Надеялись.

Профессор побледнел ещё сильнее.

— Поэтому вас прислали перед запуском.

— Поэтому проект вообще получил финансирование.

Тишина после этих слов оказалась тяжелее выстрелов.

Левин медленно сел на край кушетки.

Двадцать лет его гипотез, четыре года строительства, десятки экспериментов.

И кто-то уже знал, что канал существует.

Просто использовал его как ключ.

— Вы не проверяли теорию, — сказал профессор. — Вы пытались повторно открыть соединение.

— Одно не исключало другого.

Существо снова потянулось к Мальцеву.

СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: 0,9%

Времени почти не осталось.

— Что произойдёт, если вернуть фрагмент? — спросил я.
Мальцев посмотрел на меня.
— Я не знаю.
Навык не показал лжи.
На этот раз он действительно не знал.
— А если не вернуть?
— Оно погибнет. Фрагмент останется во мне. Мы продолжим исследование.
— После всего произошедшего?
— Именно после произошедшего.
— Вы хотите сохранить канал.
— Я хочу, чтобы человечество не осталось слепым, когда остальные миры уже знают о существовании Системы.
Это было разумно.
И чудовищно.
— Андрей, — сказала Кира, — решение должен принять он.
Она указала на Мальцева.
— Фрагмент внутри него.
Мальцев посмотрел на существо.
На тёмную жидкость.
На остатки человеческой ткани в его корпусе.
— Нет.
Существо издало импульс боли.
Не звук.
Чистую математическую последовательность, передающую распад связей, исчезновение памяти и страх прекращения.
Я почувствовал её как собственное воспоминание.
Пустое небо другого мира.
Разрушенные структуры, уходившие в несколько направлений одновременно.
Существа, стоявшие у огромного светящегося узла.
Потом пространство начало терять измерения.
Объекты становились проще.
Мир складывался сам в себя.
Последние выжившие отправляли фрагменты собственных описаний по нестабильным каналам, надеясь, что хотя бы где-то их смогут восстановить.
Это было не вторжение.
Эвакуация.
— Оно не должно было прийти целиком, — сказал я.
Профессор посмотрел на меня.
— Что?
— Они передавали фрагменты моделей. Архив. Семена для восстановления. Не живых существ.
— Почему тогда материализовалось это?
Я применил навык к системе переноса.
НЕСООТВЕТСТВИЕ ОБНАРУЖЕНО
ЛОКАЛЬНЫЙ УЗЕЛ ИНТЕРПРЕТИРОВАЛ СОХРАНЯЕМУЮ СТРУКТУРУ
КАК АКТИВНЫЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ
ПРИЧИНА: ОТСУТСТВИЕ ПРОТОКОЛА ХРАНЕНИЯ
— Наша система не поняла формат. Попыталась исполнить данные как живой организм.
— Как файл, открытый не той программой, — сказала Кира.

— Да.

Только ошибка программы собирала тело из людей.

Существо уже почти не двигалось.

СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: 0,6%

Я посмотрел на Мальцева.

— Фрагмент не принадлежит вам.

— После возвращения я могу умереть.

— Можете.

— Тогда ответ остаётся прежним.

Я не имел права заставлять его.

Но система уже показала: объект одновременно был архивом и живым существом.

Внутри него могли храниться последние сведения о погибающем мире.

Оставить фрагмент в Мальцеве означало сохранить данные.

Вернуть — спасти их владельца.

Может быть.

Я активировал «Поиск несоответствий» и посмотрел на связь между ними.

Линия не требовала полного переноса.

Это было важнейшее противоречие.

Интерфейс предлагал двоичные варианты там, где пространство состояний оставалось интервальным.

Как с внешним запросом.

Не забрать всё.

Не оставить всё.

Создать ограниченную связь.

— Можно не возвращать фрагмент полностью.

Мальцев прищурился.

— Что вы предлагаете?

— Использовать его как внешнее граничное условие. Существо получит доступ к структуре, но фрагмент останется в вас.

— Связать нас?

— Временно.

— Насколько временно?

— Пока не найдём другой носитель или способ хранения.

— Какие последствия?

— Незвестны.

Мальцев усмехнулся.

— Ваш любимый ответ.

— Других система пока не выдаёт.

Существо издало слабый импульс.

СОГЛАСИЕ

Мальцев посмотрел на него.

— Оно понимает?

— Достаточно.

— А если через связь оно получит контроль?

— Тогда я попробую разорвать канал.

— Попробуете?

— Лучше, чем гарантированная смерть одного и неизвестная судьба другого.

Мальцев закрыл глаза.

Узор под его кожей перестраивался.

— Делайте.

Женщина в форме повернулась к нему.

— Виктор Сергеевич, вы не обязаны...

— Это приказ.

Я приблизился к существу.

Кира схватила меня за рукав.

— Не подходи.

— Канал идёт через мой интерфейс.

— Ты не знаешь, что оно делает.

— Оно почти мертво.

— Это не делает его безопасным.

— Нет.

Я сел на пол в двух метрах от существа.

Запах оказался почти невыносимым: кровь, горячий металл, озон и что-то сладковатое, незнакомое.

Светлые органы повернулись ко мне.

В одном отражалось моё лицо.

Во втором — не отражалось ничего.

Я выделил фрагмент в Мальцеве, модель существа и собственный статус внешнего наблюдателя.

Нужно было создать оператор связи, который передавал бы граничные параметры, но не переносил саму структуру.

Человеческая математика назвала бы это сопряжением двух систем через ограниченный набор условий.

Система предложила более короткое понятие:

ВРЕМЕННАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ

РИСК ПОТЕРИ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН

— Последний шанс отказаться, — сказал я Мальцеву.

— Запускайте.

Я подтвердил.

Узор на его груди вспыхнул белым.

Он закричал и упал на колени.

Существо выгнулось.

Из его корпуса поднялись тонкие светящиеся линии, которые не освещали комнату. Они прошли через воздух и соединились с узором под кожей Мальцева.

На мгновение оба объекта стали частью одной системы.

Интерфейс заполнили уравнения.

Граничные условия совместились.

Неизвестные переменные получили ограничения.

Количество конечностей существа зафиксировалось на шести.

Температура выровнялась.

Разрозненные ротовые отверстия закрылись, оставив одно.

Светлые органы стали одинаковыми.

СТРУКТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: 0,5%

Показатель остановился.

Потом вырос.

0,7%

1,2%

2,8%

Существо перестало распадаться.

Тёмная жидкость на полу потянулась обратно к корпусу.

Металлические фрагменты вышли из тканей и со звоном упали на бетон. Куски человеческой одежды и кости не вернулись к погибшим, но отделились от модели существа как несовместимые элементы.

Оно становилось меньше.

Чище.

Определённое.

Мальцев продолжал кричать.

— Разрывай! — потребовала женщина.

— Ещё рано.

СИНХРОНИЗАЦИЯ: 81%

Узор на его груди поднялся к шее.

Мальцев открыл глаза.

Один оставался человеческим.

Второй стал молочно-белым.

— Разрывай! — крикнула Кира.

Я сформировал условие прекращения.

Система не приняла.

СИНХРОНИЗАЦИЯ НЕ ЗАВЕРШЕНА

Я применил навык.

НЕСООТВЕТСТВИЕ: ЗАВЕРШЕНИЕ НЕ ТРЕБУЕТ ПОЛНОГО СОВПАДЕНИЯ МОДЕЛЕЙ

Создал принудительную границу.

Девяносто процентов.

Девяносто один.

Я разорвал связь.

Светящиеся линии лопнули без звука.

Мальцев упал на пол.

Существо сжалось, прижав конечности к корпусу.

Несколько секунд никто не двигался.

Потом медик бросился к Мальцеву.

— Пульс есть!

Женщина стояла с оружием, переводя его с существа на меня.

Кира опустила рядом.

— Ты цел?

— Кажется.

— «Кажется» меня больше не устраивает.

Существо подняло голову.

Теперь оно было размером с крупную собаку. Шесть тонких конечностей. Тёмная гладкая кожа. Два бледных глаза.

Никаких человеческих ртов.

Оно посмотрело на меня.

Интерфейс перевёл короткий импульс:

БЛАГОДАРНОСТЬ

Затем:

ИМЯ СТРУКТУРЫ УТРАЧЕНО

ВРЕМЕННОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ТРЕБУЕТСЯ

— Ему нужно имя, — сказал я.

Кира смотрела на существо.

— После всего случившегося ты хочешь его назвать?

— Система требует идентификатор.

Профессор медленно подошёл ближе.

— Оно может сообщить, откуда пришло?

Я передал вопрос.

Существо замерло.

Вместо слов пришёл математический образ.

Узел.

Когда-то огромный.

Теперь разрушенный.

Семьдесят один цикл до окончательной потери связности.

И множество сохранённых структур, ожидавших передачи.

Не одно существо.

Миллионы.

— Там остались другие, — сказал я.

— Сколько? — спросила Кира.

Интерфейс попытался перевести число.

Сначала появились символы.

Затем значение:

СОХРАНЯЕМЫЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ: 4 817 203 119

Около пяти миллиардов.

— Они все попытаются перейти сюда? — спросила женщина.

Существо ответило:

НЕТ

Пауза.

НЕДОСТАТОЧНО ВРЕМЕНИ

Следующий импульс оказался сложнее.

Система долго подбирала слова.

ЛОКАЛЬНЫЙ УЗЕЛ ДОЛЖЕН ВЫБРАТЬ, КОГО СОХРАНИТЬ

Я посмотрел на таймер синхронизации Земли.

22:58:41

Меньше суток до того, как Система распространится на миллионы людей.

А теперь другой мир предлагал нам ещё один выбор.

Не открыть дверь или закрыть.

Не принять беженцев или отказать.

Выбрать, кто из четырёх миллиардов получит право существовать дальше.

Перед глазами появилось системное сообщение:

ОБНАРУЖЕНА НОВАЯ ФУНКЦИЯ ЛОКАЛЬНОГО УЗЛА

ДОСТУПНО ФОРМИРОВАНИЕ ОЧЕРЕДИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

ТРЕБУЕТСЯ НАЗНАЧИТЬ ОПЕРАТОРА

Ниже уже стояло предложенное значение:

КАНДИДАТ: НОСИТЕЛЬ 0

Я закрыл окно.

Оно открылось снова.

ОТКАЗ ОТ НАЗНАЧЕНИЯ НЕ ПРЕДУСМОТРЕН

Система училась слишком быстро.

И всё чаще воспринимала меня не как случайного наблюдателя.

А как человека, который должен принимать решения за целые миры.

Глава 6. Очередь на спасение

ТРЕБУЕТСЯ НАЗНАЧИТЬ ОПЕРАТОРА

КАНДИДАТ: НОСИТЕЛЬ 0

Я снова закрыл окно.

Оно снова открылось.

На третий раз система даже не стала ждать.

ОТКАЗ ОТ НАЗНАЧЕНИЯ НЕ ПРЕДУСМОТРЕН

— Оно всё ещё требует ответа? — спросила Кира.

— Уже не требует. Информировать.

На полу перед нами лежало существо из другого мира.

После стабилизации оно стало почти неподвижным. Шесть тонких конечностей были поджаты под тёмный корпус. Два бледных глаза следили за людьми в комнате, но в их движениях не было ни угрозы, ни любопытства.

Скорее усталость.

Если это слово вообще подходило существу, которое ещё десять минут назад не имело постоянного количества конечностей.

Мальцев сидел у стены. Медик разрезал его рубашку и закреплял датчики вокруг геометрического узора на груди. После синхронизации линии побледнели, но не исчезли. Теперь они напоминали старый шрам, нанесённый не на кожу, а куда-то глубже.

Женщина в форме держала оружие опущенным, однако палец оставался рядом со спусковой скобой.

Профессор Левин смотрел на иномирное существо.

— Нам всё же нужно обозначение.

— Сейчас? — спросила Кира.

— Иначе система продолжит называть его объектом. Для разговора это неудобно.

— Ты предлагаешь дать ему человеческое имя?

— Нет. Я предлагаю спросить, какое сочетание звуков оно способно воспроизвести.

Я передал вопрос через интерфейс.

Существо приподняло голову.

Пришёл короткий математический импульс. Система попыталась перевести его в звук.

Сначала я услышал низкую вибрацию.

Потом щелчок.

Затем протяжный тон, который человеческое горло повторить не могло.

Интерфейс предложил приближение:

РЭН

— Рэн, — произнёс я.

Существо дёрнуло одной из конечностей.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ПРИНЯТО

— Значит, Рэн, — сказал профессор.

— Это может быть не имя, — заметила Кира.

— Может означать «остаток», «свидетель» или «не трогайте меня».

— Для разговора всё равно лучше, чем «объект вне модели».

Я посмотрел на интерфейс.

Окно назначения оператора оставалось перед глазами. За ним открылось другое — огромное, уходившее вниз за пределы видимой области.

В нём двигались строки.

Миллионы строк.

Каждая состояла из набора символов, процентов и математических меток.

СОХРАНЯЕМАЯ СТРУКТУРА 1

ЦЕЛОСТНОСТЬ ОПИСАНИЯ: 98,4%

НЕОБХОДИМЫЙ ОБЪЁМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ: 0,000014%

СОХРАНЯЕМАЯ СТРУКТУРА 2

ЦЕЛОСТНОСТЬ ОПИСАНИЯ: 71,2%

НЕОБХОДИМЫЙ ОБЪЁМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ: 0,000031%

Строки прокручивались слишком быстро.

Четыре миллиарда восемьсот семнадцать миллионов двести три тысячи сто девятнадцать записей.

Не население города.

Не население страны.

Почти половина нынешнего человечества.

— Я вижу очередь, — сказал я.

— Что в ней? — спросил Левин.

— Структуры. Миллиарды.

— Отдельные организмы?

Я сосредоточился на первой записи.

Интерфейс расширил её.

Математическое описание раскрылось слоями: геометрия тела, динамика внутренних процессов, память, устойчивые поведенческие шаблоны, связи с другими структурами.

Последнее оказалось самым сложным.

От одной записи тянулись сотни линий к другим.

— Не только тела, — сказал я. — Там память, реакции, связи. Возможно, личности.

Кира посмотрела на Рэна.

— Они все такие, как он?

Я передал вопрос.

Рэн ответил слабым импульсом.

НЕТ

Следом пришёл образ.

Сотни форм.

Высокие тонкие организмы, существовавшие в плотной атмосфере.

Колонии, похожие на движущиеся рифы.

Существа, чьи тела состояли из множества отделённых элементов.

Маленькие трёхногие формы, окружённые сложными механизмами.

И другие, которые мой мозг не смог представить. Система заменила их серыми контурами.

— Там несколько видов, — сказал я. — Возможно, много.

Профессор подошёл ближе.

— Один мир с несколькими разумными видами?

Рэн передал отрицание.

Затем возникла схема.

Центральный узел, от которого расходились связи к нескольким локальным областям. Эти области не находились рядом в трёхмерном пространстве, но когда-то принадлежали общей структуре.

— Не один мир, — понял я. — Один узел соединял несколько областей.

— Планет?

— Термин не подходит. Некоторые могли быть планетами. Другие — чем-то ещё.

Мальцев поднял голову.

— Сколько структур реально можно перенести?

Я посмотрел на параметры канала.

ТЕКУЩАЯ ПРОПУСКНАЯ СПОСОБНОСТЬ: 0,000000019 СТРУКТУРНЫХ ЕДИНИЦ В СЕКУНДУ

Человеческого смысла в числе не было.

Я запросил оценку в биологических объектах.

ПЕРЕНОС ОДНОЙ СТРУКТУРЫ СРЕДНЕЙ СЛОЖНОСТИ: 3 ЧАСА 41 МИНУТА

— Одну примерно за четыре часа.

Кира медленно выдохнула.

— А времени у них семьдесят один цикл.

— Мы не знаем продолжительность цикла.

Я запросил перевод.

Система ответила:

ЛОКАЛЬНЫЙ ЦИКЛ НЕ ИМЕЕТ ПОСТОЯННОГО СООТВЕТСТВИЯ В ТЕКУЩЕМ ВРЕМЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ

— Что это значит? — спросил Левин.

— Их время нестабильно. Цикл может меняться относительно нашего.

— Приблизительная оценка?

Интерфейс долго пересчитывал.

ДИАПАЗОН ДО ПОТЕРИ СВЯЗНОСТИ В ЛОКАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ОТСЧЁТА УЗЛА ЗЕМЛЯ: ОТ 19 ЧАСОВ ДО 11 204 ЛЕТ

Кира коротко рассмеялась.

— Удобный интервал.

— Пятый порядок и повреждённые временные координаты, — сказал профессор. — Они сами не знают, с какой скоростью распадаются относительно нас.

— Тогда почему требуют выбрать сейчас? — спросила женщина.

Я применил навык к очереди.

Серые линии прошли через записи.

НЕСООТВЕТСТВИЕ ОБНАРУЖЕНО

ОЧЕРЕДЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕ СФОРМИРОВАНА

ПРИ ПОТЕРЕ СВЯЗНОСТИ БУДУТ СОХРАНЕНЫ СТРУКТУРЫ С НАИМЕНЬШИМ ИНДЕКСОМ

— Если мы ничего не сделаем, система возьмёт первые записи.

— По какому принципу они отсортированы? — спросил Мальцев.

Я проверил.

ТЕКУЩАЯ СОРТИРОВКА: ПОРЯДОК РЕГИСТРАЦИИ

— Кто раньше попал в архив.

— Значит, самые старые, — сказал профессор.

— Не обязательно. Порядок записи мог зависеть от расположения, доступности или скорости разрушения.

— Система предлагает другой алгоритм?

Я запросил рекомендации.

Окно расширилось.

ДОСТУПНЫЕ СТРАТЕГИИ

1. МАКСИМИЗАЦИЯ КОЛИЧЕСТВА ВОССТАНОВЛЕННЫХ СТРУКТУР

2. МАКСИМИЗАЦИЯ СУММАРНОЙ СЛОЖНОСТИ

3. МАКСИМИЗАЦИЯ ВЕРОЯТНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ

4. МАКСИМИЗАЦИЯ СТРУКТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

5. СОХРАНЕНИЕ ИСХОДНОГО ПОРЯДКА

— Пять вариантов.

Я прочитал их вслух.

— Третий, — сразу сказал Мальцев. — Цивилизационная функция.

Кира посмотрела на него.

— То есть выбирать учёных, инженеров и военных?

— Выбирать тех, кто сможет восстановить общество.

— А дети?

— Если ресурсы ограничены, приоритет получают полезные специалисты.

— Ты даже не задумался.

— Именно потому, что задумался раньше.

— Когда? Девять месяцев назад, после первой передачи?

Мальцев не ответил.

Женщина в форме вмешалась:

— Личный состав не участвует в споре. Решение будет принято руководством.

— Руководством чего? — спросила Кира. — Института? Страны? Планеты?

— Компетентными органами.

— Есть орган, компетентный выбирать, кому жить из четырёх миллиардов инопланетян?

— Нет, — сказал Мальцев. — Поэтому решение должно исходить из интересов Земли.

Рэн поднял голову.

Его глаза стали ярче.

Интерфейс передал короткий вопрос:

ЗЕМЛЯ СОХРАНИТ ТОЛЬКО ПОЛЕЗНЫХ?

Кира посмотрела на меня.

— Он всё понял?

— Достаточно.

Мальцев ответил сам:

— Земля ещё никого не обязалась сохранять.

Система не перевела слова напрямую. Я передал смысл.

Рэн молчал несколько секунд.

Потом пришёл образ.

Разрушающийся узел.

Миллиарды записей.

И одна мысль:

ТОГДА ЗАЧЕМ ВЫ ОТВЕТИЛИ?

Никто не нашёл ответа.

Я действительно ответил на импульс.

Не правительство.

Не международная комиссия.

Не человечество.

Я.

Потому что не хотел оставлять стук из-за стены без ответа.

Теперь за стеной оказалось четыре миллиарда существ, и каждое могло постучать отдельно.

— Что означает «максимизация количества»? — спросила Кира.

Я открыл первую стратегию.

ПРИОРИТЕТ СТРУКТУРАМ С МИНИМАЛЬНЫМ ОБЪЁМОМ ДАННЫХ И МИНИМАЛЬНЫМИ ТРЕБОВАНИЯМИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ

Появился список кандидатов.

На первых местах находились простейшие организмы. Небольшие существа с ограниченной памятью, коротким жизненным циклом и сравнительно простой нервной системой.

— Спасём больше, но почти без разумных, — сказал я.

— Сложность? — спросил профессор.

Вторая стратегия вывела другой список.

На первых местах оказались гигантские структуры, состоявшие из миллионов взаимосвязанных элементов. Восстановление одной занимало бы десятки лет.

— Здесь наоборот. Одна структура может занять всю доступную пропускную способность.

— Возможно, коллективный разум, — сказал Левин.

— Или город, — предположила Кира.

Третья стратегия выбрала записи, связанные с наибольшим количеством технологий, знаний и систем управления.

Я просмотрел первые позиции.

Интерфейс подбирал русские аналоги:

СПЕЦИАЛИСТ ПО УПРАВЛЕНИЮ УЗЛАМИ
ХРАНИТЕЛЬ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
ОПЕРАТОР ВОССТАНОВЛЕНИЯ МАТЕРИИ
КООРДИНАТОР ВОЕННОЙ СВЯЗНОСТИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПОНИЖЕНИЯ РАЗМЕРНОСТИ

Последняя запись заставила меня остановиться.

— Что? — заметил профессор.

— В списке есть специалист по понижению размерности.

— Оружие? — спросил Мальцев.

— Не знаю.

— Его первым.

— Вы даже не знаете, кто это.

— Зато знаем, чем он занимался.

— Именно поэтому его нельзя переносить первым, — сказала Кира.

— Если технология существует, другие миры могут использовать её против Земли.

— И поэтому ты хочешь доставить специалиста прямо сюда?

— Чтобы получить знания раньше остальных.

Рэн издал слабый щелчок.

Перевод появился не сразу:

ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Все посмотрели на него.

Профессор опустил перед существом на корточки.

— Понижение размерности использовали как оружие?

Рэн передал серию образов.

Пространственные области, в которых исчезали направления.

Сложные конструкции становились плоскими.

Потом линейными.

Затем теряли возможность существовать.

Цивилизации защищали свои узлы, создавая области высокой связности. Противники разрушали их, сокращая число доступных степеней свободы.

Изображение прервалось.

ПАМЯТЬ НЕПОЛНА
ОПИСАНИЕ ПОВРЕЖДЕНО

— Он не знает всей истории, — сказал я.

— Но подтверждает оружие, — ответил Мальцев. — Тем более специалист нужен.

— Нет.

Я произнёс это прежде, чем успел подумать.

Мальцев прищурился.

— Вы уже считаете себя оператором?

— Я считаю, что первой восстановленной личностью не должен быть человек, способный продолжить войну, уничтожившую их мир.

— Это не человек.

— Неважно.

— Важно всё. Происхождение, лояльность, возможности. Мы не можем переносить неизвестные структуры случайно.

— А выбирать по полезности для Земли можем?

— Должны.

— У тебя нет права, — сказала Кира.

— А у Андрея есть?

Она замолчала.

Окно назначения оператора всё ещё висело передо мной.

ПОДТВЕРДИТЬ НАЗНАЧЕНИЕ?

Я запросил последствия.

ОПЕРАТОР ПОЛУЧИТ ПРАВО ФОРМИРОВАТЬ ПРИОРИТЕТЫ ОЧЕРЕДИ, ПРИОСТАНАВЛИВАТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ОТКЛОНЯТЬ НЕСОВМЕСТИМЫЕ СТРУКТУРЫ

ОПЕРАТОР НЕ ПОЛУЧИТ ПРАВО УНИЧТОЖАТЬ СОХРАНЯЕМЫЕ СТРУКТУРЫ

— Можно менять порядок, но нельзя удалять записи.

— Это хорошо, — сказал профессор.

— Почему?

— Потому что решение потенциально обратимо. Мы не выбираем, кто погибнет. Мы выбираем, кто получит шанс раньше.

— При распаде узла разница исчезает, — заметила Кира.

Профессор не ответил.

Я спросил систему:

Можно ли увеличить пропускную способность?

ДА

В комнате все услышали мой резкий вдох.

— Что? — спросил Мальцев.

— Канал можно расширить.

— Каким способом?

Интерфейс открыл новое описание.

ДЛЯ УВЕЛИЧЕНИЯ ПРОПУСКНОЙ СПОСОБНОСТИ ТРЕБУЕТСЯ:

1. УВЕЛИЧЕНИЕ СВЯЗНОСТИ ЛОКАЛЬНОГО УЗЛА

2. ПОДКЛЮЧЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ НОСИТЕЛЕЙ

3. ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОЙ ЗОНЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

4. ВЫДЕЛЕНИЕ МАТЕРИИ И ЭНЕРГИИ

— Ей нужны люди, — сказал я.

— Сколько? — спросила Кира.

— Чем больше подключённых носителей, тем выше пропускная способность.

Мальцев посмотрел на таймер.

22:41:08

— Через двадцать два часа система сама подключит первую волну.

— Двенадцать миллионов человек, — напомнил профессор.

— Тогда канал расширится автоматически.

— И Земля станет зоной восстановления для чужих структур, — сказала женщина.

Мальцев впервые выглядел довольным.

— Значит, массовая синхронизация имеет преимущество.

— Для кого? — спросила Кира.

— Для всех.

Рэн поднял голову.

От него пришёл сигнал.

ЛОКАЛЬНЫЙ УЗЕЛ НЕ ВЫДЕРЖИТ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВСЕХ

Я запросил расчёт.

Система показала прогноз.

При подключении двенадцати миллионов носителей пропускная способность возрастала в сотни тысяч раз.

Но даже тогда восстановление четырёх миллиардов структур потребовало бы десятилетий.

И главное — каждая материализация использовала материю локального узла.

Воду.

Органические соединения.

Металлы.

Энергию.

Земля могла стать убежищем.

Или сырьём.

— Что требуется для восстановления одной структуры? — спросил Левин.

Я выбрал запись средней сложности.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНАЯ МАССА: 42 КГ

ВОДА: 26 КГ

УГЛЕРОД: 7,8 КГ

КАЛЬЦИЙ: 1,9 КГ

ПРОЧИЕ ЭЛЕМЕНТЫ: 6,3 КГ

ЭНЕРГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ: $5,1 \times 10^{12}$ ДЖ

— Пять триллионов джоулей, — произнёс профессор. — Для одного?

— Оценка может учитывать восстановление связей, а не только сборку материи.

— Это энергия небольшого ядерного взрыва, чуть больше 1 килотонны в тротиловом эквиваленте — сказала Кира.

— Если брать её из нашей среды, мы не спасём миллиарды, — сказал я. — Мы разрушим планету.

Рэн передал отрицание.

Потом более сложный образ.

Система должна была использовать дополнительное измерение не только для передачи информации, но и для перераспределения энергии между узлами. Однако повреждённый мир Рэна почти не мог ничего отдать.

Он отправлял данные.

Платить материей и энергией должна была принимающая сторона.

— Они не просят спасти всех сейчас, — понял я.

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

— Тогда зачем формировать очередь из четырёх миллиардов?

Рэн передал ответ:

**ЧТОБЫ ПРИ РАЗРУШЕНИИ УЗЛА БЫЛО ИЗВЕСТНО, КОГО ПЕРЕДАВАТЬ
ПОСЛЕДНИМ ДОСТУПНЫМ КАНАЛОМ**

Последним.

Не первым.

Очередь определяла не только порядок спасения.

Она определяла порядок оставления на смерть.

Кира отвернулась.

Профессор снял очки и протёр их краем рубашки, хотя стёкла были чистыми.

Даже Мальцев некоторое время молчал.

— Система может оценить вероятность распада? — спросил он.

— Диапазон слишком большой.

— Тогда мы обязаны исходить из худшего варианта.

— Девятнадцать часов, — сказал я.

— Да.

— За это время мы успеем восстановить максимум пять структур.

— Если начнём немедленно.

— Пять из четырёх миллиардов.

— Пять лучше, чем ноль.

— Тогда кого?

Мальцев посмотрел прямо на меня.

— Тех, кто поможет расширить канал.

Логично.

Спасти операторов узла, энергетиков, специалистов по восстановлению. Они помогут перенести следующих.

Проблема была в том, что именно так всегда начиналось оправдание любого отбора.

Сначала полезные.

Потом лояльные.

Потом сильные.

Потом те, кто принимает решения о полезности остальных.

Я открыл четвёртую стратегию.

МАКСИМИЗАЦИЯ СТРУКТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

Список изменился.

Первыми оказались представители разных видов, возрастов, типов мышления и форм существования. Не самые полезные. Не самые сложные. Не самые простые.

Те, кто позволил бы сохранить хотя бы малую часть разнообразия погибающего узла.

— Этот вариант ближе к архиву, — сказал профессор.

— Но не к выживанию, — ответил Мальцев. — Набор редких образцов не создаст работоспособное общество.

— А пять специалистов создадут?

— Нет. Но повысят шансы следующих.

Я посмотрел на пятую стратегию.

Сохранение исходного порядка.

Никакого решения.

Переложить ответственность на случайность регистрации.

Самый простой способ убедить себя, что ты никого не выбирал.

Я применил «Поиск несоответствий» ко всем стратегиям сразу.

Интерфейс потемнел.

НЕСООТВЕТСТВИЕ ОБНАРУЖЕНО

**ВСЕ ДОСТУПНЫЕ СТРАТЕГИИ ОПТИМИЗИРУЮТ ОДИН ПАРАМЕТР
ЦЕЛЬ ОПЕРАТОРА НЕ ОБЯЗАНА БЫТЬ ОДНОПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ**

— Можно создать собственную стратегию.

— Из каких критериев? — спросил профессор.

Я ещё не знал.

Система ждала формального описания.

Не человеческой фразы вроде «выбрать справедливо».

Справедливость не была математической функцией.

По крайней мере, не одной.

— Нужно сохранить способность продолжить перенос, — сказал я. — Значит, часть мест специалистам.

— Правильно, — кивнул Мальцев.

— Но не все.

— Почему?

— Потому что мы не знаем, какое общество они построят. И не имеем права переносить только тех, ктолезен нам.

— Мы принимающая сторона.

— Поэтому можем ограничить риски, но не превращать спасение в набор персонала.

Кира подошла ближе.

— Добавь разные виды.

— Разнообразие.

— И связи, — сказал профессор. — Нельзя выбирать только отдельных эффективных индивидов. Если структура личности зависит от социальных связей, одиночное восстановление может её разрушить.

Я открыл параметры одной записи.

Действительно, у неё были связи с другими: семейные, обучающие, функциональные, эмоциональные. Система не называла их так, но значение было понятно.

— Группы, — сказал я. — Нужно восстанавливать минимально устойчивые группы.

— Это увеличит объём, — возразил Мальцев.

— Зато снизит вероятность психического распада после восстановления.

— Мы даже не знаем, существует ли у них психика.

Рэн издал короткий сигнал.

СУЩЕСТВУЕТ

Кира почти улыбнулась.

— Вот и экспертное заключение.

Я добавил критерии:

минимум один специалист по поддержанию узла;представители разных видов и типов сознания;сохранение устойчивых социальных связей;исключение структур, связанных с оружием понижения размерности;при равных условиях — случайный выбор.

Последний пункт вызвал возражение системы.

СЛУЧАЙНЫЙ ВЫБОР СНИЖАЕТ ОПТИМАЛЬНОСТЬ

— Зато не позволяет мне решить всё за них.

ТРЕБУЕТСЯ ФОРМАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ

Я сформулировал:

Максимизировать вероятность продолжения спасения при сохранении разнообразия, связности групп и ограничении риска для локального узла.

Система начала расчёт.

Строки очереди двигались.

Миллиарды записей сравнивались по тысячам параметров.

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ: 1%

Мальцев подошёл ко мне.

— Уберите случайный выбор.

— Нет.

— Мы не можем тратить первый перенос на бесполезную структуру.

— При равных параметрах они одинаково полезны.

— Не существует полностью равных кандидатов.

— Тогда случайность почти не сработает.

— Тем более уберите.

— Она остаётся.

— Вы злоупотребляете доступом.

— Я ещё даже не согласился стать оператором.

— Но уже принимаете решения.

Я посмотрел на него.

— Вы девять месяцев носили в себе чужой фрагмент и молчали. Не вам говорить о злоупотреблении доступом.

Женщина в форме сделала шаг вперёд, но Мальцев остановил её жестом.

— Вы думаете, что случайный человек окажется справедливее системы?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы в очереди осталось место для тех, чью ценность мы не умеем измерять.

Он усмехнулся.

— Красиво сказано.

— Это не красота. Это поправка на ошибку модели.

Система закончила расчёт.

СТРАТЕГИЯ СФОРМИРОВАНА

ОЖИДАЕМОЕ КОЛИЧЕСТВО ВОССТАНОВЛЕННЫХ СТРУКТУР ПРИ МИНИМАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ КАНАЛА: 4

Четыре.

Не пять.

Групповые связи увеличили объём.

Интерфейс показал первых кандидатов.

ГРУППА 1

СТРУКТУРА А: ОПЕРАТОР СТАБИЛИЗАЦИИ УЗЛА

СТРУКТУРА Б: ЗАВИСИМАЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЯЯ СТРУКТУРА

СВЯЗЬ: РОДИТЕЛЬСКАЯ / ОБУЧАЮЩАЯ / ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ

— Первая группа из двух, — сказал я. — Специалист по узлам и ребёнок.

Кира посмотрела на Мальцева.

Тот промолчал.

ГРУППА 2

КОЛЛЕКТИВНАЯ СТРУКТУРА ИЗ 312 ЭЛЕМЕНТОВ

ФУНКЦИЯ: ХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ

ГРУППА 3

АВТОНОМНАЯ СТРУКТУРА

ТИП МЫШЛЕНИЯ: НЕСОВМЕСТИМ С ЛОКАЛЬНОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛЬЮ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО В ИСКУССТВЕННОЙ СРЕДЕ

— Система включила структуру, которую невозможно собрать обычным телом, — сказал профессор.

- Из-за разнообразия.
- Значит, понадобится создать для неё среду.
- Если успеем.

Последний кандидат определялся случайным выбором среди нескольких тысяч почти равных записей.

Строки замедлились.

Остановились.

ГРУППА 4

СТРУКТУРА: НЕ ОПРЕДЕЛЕНА

ПРИЧИНА: ПОВРЕЖДЕНИЕ 64,1%

**СОХРАНЁННЫЙ ФРАГМЕНТ СОДЕРЖИТ УНИКАЛЬНУЮ СВЯЗЬ С
ИСХОДНОЙ РАЗМЕРНОСТЬЮ**

Профессор шагнул к интерфейсу, будто мог увидеть текст.

— Связь с семнадцатимерной структурой?

— Возможно.

— Это важнее всех остальных.

— Мы не знаем, что там сохранилось.

— Именно поэтому нужно восстановить.

Мальцев покачал головой.

— Повреждение шестьдесят четыре процента. Риск слишком велик.

— Случайность выбрала его среди равных кандидатов, — сказала Кира.

— Значит, ошибка в критериях.

— Или ценность, которую система не смогла оценить, — ответил я.

Рэн поднял голову.

Увидев параметры четвёртой структуры через общий канал, он отшатнулся.

Впервые в его движениях появился явный страх.

— Ты знаешь, что это? — спросил я.

Рэн передал отрицание.

Но навык подсветил несоответствие.

**ПЕРЕДАННЫЙ ОТВЕТ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ НАБЛЮДАЕМОМУ СОСТОЯ-
НИЮ**

Он знал.

И не хотел говорить.

— Рэн.

Существо прижало конечности к корпусу.

— Что хранится в этой записи?

Ответ пришёл частями.

НЕ ЛИЧНОСТЬ

Пауза.

НЕ ТОЛЬКО ЛИЧНОСТЬ

Следующий импульс сопровождался повреждённым образом.

Семнадцатимерная структура.

Область пространства, начинающая схлопываться.

Кто-то или что-то удерживает одно из исчезающих направлений, используя собственную модель как опору.

— Эта структура была связана с измерением, которое уничтожали, — сказал я.

Рэн подтвердил.

— Участник войны?

НЕИЗВЕСТНО

Навык не обнаружил лжи.

— Почему ты испугался?

Долгая пауза.

ЕСЛИ ВОССТАНОВИТЬ СВЯЗЬ, ОНА МОЖЕТ ПРОДОЛЖИТЬСЯ

— Что продолжится?

Ответ был коротким.

ПОНИЖЕНИЕ

Мальцев сразу сказал:

— Удалить из очереди.

— Удалять нельзя.

— Понизить приоритет до последнего.

— Согласен, — сказала Кира.

Профессор молчал.

Я посмотрел на него.

— Вы хотите оставить?

— Я хочу понять, может ли повреждённая структура восстановить утраченное измерение.

— Или уничтожить оставшиеся три.

— Да.

— И всё равно хотите рискнуть?

Левин снял очки.

— Андрей, если четырнадцать измерений были уничтожены, единственный сохранившийся фрагмент процесса может быть важнее любого отдельного организма.

— Для науки?

— Для Вселенной.

— Это то же оправдание, которым пользовались те, кто начал войну.

Профессор посмотрел на Рэна.

— Возможно.

Система ожидала утверждения стратегии.

ПОДТВЕРДИТЬ ОЧЕРЕДЬ?

Я переместил четвёртую запись вниз.

Не в конец из четырёх миллиардов.

В отдельную категорию.

КАРАНТИН

Система приняла определение.

ТРЕБУЕТСЯ УСТОЙЧИВАЯ ЗОНА ИЗОЛЯЦИИ

— До появления зоны карантина структура не будет восстановлена, — сказал я.

— Разумно, — согласился Мальцев.

Профессор ничего не сказал.

Очередь снова пересчиталась.

На четвёртое место вышла другая запись:

ГРУППА 4

ТРИ СВЯЗАННЫЕ СТРУКТУРЫ

ФУНКЦИЯ: СОЗДАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

ВОЕННАЯ СВЯЗЬ: НЕ ОБНАРУЖЕНА

— Математики, — сказал Левин.

— Возможно.

— Берём.

Кира посмотрела на него.

— Теперь ты доволен?

— Умеренно.

Я вернулся к назначению оператора.

Можно было продолжать спорить.

Ждать правительство.

Создавать комиссию.

Но минимальный срок существования канала составлял девятнадцать часов, а восстановление первой группы занимало больше четырёх.

Если мы хотели спасти хотя бы кого-то, начинать нужно было сейчас.

Я выбрал:

ПОДТВЕРДИТЬ НАЗНАЧЕНИЕ

Внутри головы прошёл мягкий импульс.

Не болезненный.

Скорее подтверждающий.

**НОСИТЕЛЬ 0 НАЗНАЧЕН ОПЕРАТОРОМ ОЧЕРЕДИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ДОСТУПНЫЕ ФУНКЦИИ:**

— **ИЗМЕНЕНИЕ ПРИОРИТЕТОВ**

— **ОЦЕНКА СОВМЕСТИМОСТИ**

— **ПРИОСТАНОВКА ПЕРЕНОСА**

— **СОЗДАНИЕ КАРАНТИННЫХ КАТЕГОРИЙ**

— **НАЗНАЧЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ**

Последний пункт мне не понравился.

— Что значит назначение ресурсов?

Система открыла карту комплекса.

Центральная камера была отмечена как зона восстановления. Вокруг неё появились показатели доступной материи.

Бетон.

Сталь.

Вода в охлаждающих контурах.

Воздух.

Органические структуры.

Сотрудники института тоже отображались как ресурс.

Каждый человек.

С массой, химическим составом и коэффициентом совместимости.

— Нет.

Я произнёс это вслух.

— Что? — спросила Кира.

— Система считает людей доступной материей.

Женщина подняла оружие.

— Прекратить процесс.

— Я ещё не запустил перенос.

— И не запускайте, пока зона не будет очищена от персонала.

— Согласен.

Мальцев подошёл к двери.

— Эвакуировать весь подземный комплекс. Оставить только дистанционное наблюдение.

— Электроника может снова отключиться, — сказал профессор.

— Тогда будем наблюдать снаружи.

Я запросил возможность ограничить источники материи.

ВОЗМОЖНО

Создал запрет:

не использовать активные биологические объекты Земли;

не использовать имущество за пределами выделенной зоны;

не разрушать несущие конструкции;

при нехватке материи и энергии приостановить восстановление.

Система обработала условия.

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИНЯТЫ

ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕШНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ГРУППЫ 1 СНИЖЕНА

ДО 38,2%

— Понадобится больше ресурсов, — сказал я.

— Каких? — спросил профессор.

— Вода, углерод, кальций, микроэлементы. И энергия.

— Доставим.

— Пять триллионов джоулей не доставишь на грузовике.

— Возможно, энергия нужна не одновременно.

Я запросил график потребления.

Кривая оказалась странной: большая часть энергии приходилась на короткий момент фиксации структуры. До него система могла собирать тело постепенно.

— Нужен мощный импульс в конце.

Мальцев кивнул.

— Подключим энергосистему института и резервные генераторы.

— Этого недостаточно.

— Тогда сеть региона.

— Вы хотите отключить Новосибирск ради восстановления двух инопланетян?

— Я хочу проверить технологию, способную собирать живые организмы из математического описания.

— То есть да.

Мальцев не стал отрицать.

Рэн передал слабый импульс.

ЭНЕРГИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛУЧЕНА ИЗ РАЗНОСТИ СОСТОЯНИЙ

Профессор оживился.

— Из какой разности?

Пришло математическое описание.

Два состояния пространства, почти идентичные в трёх доступных измерениях, но различающиеся по одной из повреждённых координат.

Переход между ними высвобождал энергию.

— Система может брать энергию из дополнительного измерения, — сказал я.

— Тогда зачем указывает пять триллионов джоулей?

— Это стоимость перехода в нашей проекции, а не количество, которое нужно взять из электросети.

— То есть передатчик — не источник, а переключатель, — сказал Левин. — Он позволяет системе выбрать другое состояние.

— Возможно.

— Тогда запускайте, — сказал Мальцев.

— После эвакуации.

— Она займёт минимум сорок минут.

— Значит, через сорок минут.

Я приостановил очередь.

ПЕРЕНОС ОЖИДАЕТ РАЗРЕШЕНИЯ ОПЕРАТОРА

Людей начали выводить из медицинского блока.

Рэна собирались поместить в прозрачный контейнер, но он отказался заходить. Система передала страх замкнутого пространства.

В итоге ему разрешили идти самому под охраной.

Он двигался медленно, переставляя шесть конечностей в странном, но устойчивом ритме.

Перед выходом Рэн остановился рядом со мной.

От него пришёл короткий сигнал.

ТЫ ВЫБРАЛ НЕ САМЫХ ПОЛЕЗНЫХ

— Да.

ПОЧЕМУ?

Я хотел ответить, что так справедливее.

Но это было бы неправдой.

Я не знал, что справедливо.

— Потому что система плохо понимает ценность, которую нельзя выразить одним числом.

Рэн некоторое время смотрел на меня.

ЭТО ПРИЧИНА ВОЙНЫ

— Что именно?

КАЖДЫЙ УЗЕЛ ВЫБРАЛ ОДНО ЧИСЛО

Он ушёл по коридору.

Я остался стоять.

Максимизация силы.

Максимизация выживания.

Максимизация порядка.

Максимизация сложности.

Каждая цивилизация выбирала одну цель и постепенно подчиняла ей всё остальное. Потом цели столкнулись. Началась война, в которой оружием служило не уничтожение материи, а разрыв связей между отдельными областями общей Вселенной.

Семнадцать измерений никуда не исчезли. Они по-прежнему существовали как часть полной структуры реальности. Но после гибели общей нервной системы Вселенной отдельные узлы перестали получать к ним доступ.

Это было похоже на парализованное тело. Нога человека не становится двумерной после повреждения спинного мозга. Она остаётся прежней, но больше не может получить команду, воспользоваться общей системой движения и почувствовать остальные части организма.

Так случилось и с локальными областями Вселенной.

Когда искусственные и естественные каналы связности разрушились, каждый уцелевший узел оказался заперт в трёх пространственных измерениях. Остальные четырнадцать направлений не были уничтожены — они стали недоступны, как движения, которые всё ещё допускает тело, но уже не способна вызвать мёртвая нервная система.

Вселенная не потеряла четырнадцать измерений.

Она потеряла способность ими пользоваться.

И цивилизации, когда-то существовавшие внутри единого семнадцатимерного организма, оказались изолированными клочками живой ткани в теле, которое больше не передавало импульсов.

Кира подошла ко мне.

— Ты в порядке?

— Нет.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что человек, который чувствует себя нормально после выбора между четырьмя миллиардами жизней, опаснее любого Корректора.

Мы вышли последними.

За герметичной дверью центральный зал оставался пустым. Вокруг камеры техники складывали контейнеры с водой, органическими материалами и металлическими элементами. Роботизированные манипуляторы заменяли людей.

Когда эвакуация завершилась, Мальцев дал разрешение на подключение энергосистем.

Профессор стоял рядом со мной в удалённом пункте наблюдения.

Кира — по другую сторону.

Рэн лежал в отдельной защищённой комнате и видел происходящее через мой интерфейс.

— Запускаю первую группу, — сказал я.

— Подтверждаю, — произнёс Мальцев.

— Ваше подтверждение не требуется.

— Для протокола.

Я мысленно разрешил перенос.

НАЧАТА ПЕРЕДАЧА ГРУППЫ 1

СТРУКТУРА А: ОПЕРАТОР СТАБИЛИЗАЦИИ УЗЛА

СТРУКТУРА Б: ЗАВИСИМАЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЯЯ СТРУКТУРА

ПЕРЕДАНО: 0,000001%

В центральном зале появилась точка.

Не чёрная, как при переносе Рэна.

Белая.

Вокруг неё воздух начал покрываться тонкими геометрическими линиями.

Материя пока не двигалась.

Система сначала строила каркас.

— Сколько до завершения? — спросила Кира.

3:58:12

— Почти четыре часа.

Профессор смотрел на экран.

— Если всё получится, мы станем свидетелями первого контролируемого восстановления внеземной жизни.

— Если не получится?

— Получим данные.

Кира бросила на него взгляд.

— Иногда ты пугаешь меня сильнее Мальцева.

В интерфейсе всплыло новое сообщение.

Сначала я решил, что оно относится к переносу.

Но это было другое окно.

ОЧЕРЕДЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ОБНОВЛЕНА

ДОБАВЛЕНЫ НОВЫЕ СОХРАНЯЕМЫЕ СТРУКТУРЫ

Количество записей изменилось.

4 817 203 119

Стало:

4 817 203 146

— Добавилось двадцать семь, — сказал я.

— Из их мира? — спросил профессор.

Я открыл новые записи.

Все двадцать семь имели одинаковое происхождение.

УЗЕЛ: ЗЕМЛЯ

Холод прошёл по спине.

— Нет.

— Что?

— Они с Земли.

Кира придвинулась ближе.

— Кто?

Я раскрыл первую запись.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

СТАТУС: АКТИВНА

ПРИЧИНА ДОБАВЛЕНИЯ В ОЧЕРЕДЬ: ВЫСОКАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ ПРЕКРАЩЕНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Двадцать семь сотрудников, погибших или смертельно пострадавших во время аварии и нападения Рэна.

Система сохранила их математические описания.

Некоторые ещё были живы.

Один находился в реанимации наверху.

— Система добавляет умирающих людей в ту же очередь, — сказал я.

— Значит, их можно восстановить? — спросила Кира.

— Возможно.

Мальцев подошёл к моему монитору, хотя там не было данных интерфейса.

— Переместить людей в начало.

— Нет.

Он повернулся ко мне.

— Это граждане Земли.

— Передача первой группы уже началась.

— Приостановить.

— Прерывание может уничтожить обе структуры.

— Тогда сразу после них.

Я посмотрел на список земных записей.

У некоторых целостность превышала девяносто процентов.

У других оставалось меньше половины.

Система уже рассчитала время восстановления.

От двух до семи часов на человека.

Очередь снова перестала быть чужой проблемой.

Теперь в ней находились люди, которых я видел несколько минут назад.

Охранник, которого существо схватило за ногу.

Оператор из центральной лаборатории.

Техник с третьего поста.

Командир группы изоляции.

И ещё одна запись.

Двадцать восьмая появилась прямо перед глазами.

УЗЕЛ: ЗЕМЛЯ

СТАТУС: АКТИВНА

ВЕРОЯТНОСТЬ ПРЕКРАЩЕНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ТЕЧЕНИЕ 24 ЧАСОВ: 67,3%

ОБОЗНАЧЕНИЕ: НОСИТЕЛЬ 0

Я смотрел на собственную запись.

— Андрей? — спросила Кира.

Я не ответил.

Система добавила меня в очередь на восстановление.

Значит, по её расчётам, вероятность того, что я переживу следующие сутки, была меньше трети.

Глава 7. Человек с чужой памятью

ОБОЗНАЧЕНИЕ: НОСИТЕЛЬ 0
ВЕРОЯТНОСТЬ ПРЕКРАЩЕНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ТЕЧЕНИЕ 24 ЧАСОВ: 67,3%

Я перечитал сообщение.

Потом ещё раз.

Число не изменилось.

— Андрей? — позвала Кира.

Я закрыл окно состояния.

— Всё нормально.

— Ты только что побледнел.

— Давление снова упало.

Медик, находившийся в соседнем помещении, услышал нас по внутренней связи.

— Какое давление?

— Я не измерял.

— Тогда не ставьте себе диагнозы.

— Привычка.

Кира подошла ближе.

За защитным стеклом продолжалось восстановление первой группы. В центре экспериментального зала медленно вращалась белая геометрическая конструкция. Она не имела постоянной формы: линии сходились, расходились, образовывали подобие человеческого скелета, затем перестраивались в структуру с иным количеством конечностей.

До завершения оставалось три часа пятьдесят две минуты.

— Что показала Система? — спросила Кира.

— Добавила меня в очередь восстановления.

Она не сразу поняла.

— Вместе с погибшими?

— Вместе с теми, чья вероятность смерти признана высокой.

— Насколько высокой?

Я посмотрел на неё.

— Шестьдесят семь процентов в течение суток.

Кира молчала несколько секунд.

— Почему?

— Не уточняет.

— Спроси.

— Уже собирался.

Я вызвал запись и сосредоточился на причине прогноза.

Почему вероятность прекращения существования Носителя 0 составляет 67,3 процента?

Интерфейс ответил:

ПРОГНОЗ ОСНОВАН НА СОВОКУПНОСТИ ФАКТОРОВ

1. НЕСТАБИЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

2. ПОВЫШЕННАЯ ГЛУБИНА СВЯЗИ

3. КОНФЛИКТ ЛОКАЛЬНОЙ И ВНЕШНЕЙ МОДЕЛЕЙ

4. ВЕРОЯТНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КОРРЕКТИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ

5. НЕЗАВЕРШЁННАЯ ПЕРВИЧНАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ

— Корректирующая функция, — повторил профессор Левин.

Он стоял у второго терминала, наблюдая за графиками энергопотребления. Обычные приборы почти ничего не фиксировали, но профессор всё равно смотрел на них, словно надеялся застать физику в момент преступления.

— Это что-то новое? — спросила Кира.

— Система уже пыталась провести коррекцию моей модели, — сказал я. — Возможно, попробует снова.

— Ты остановил процедуру.

— Приостановил. Потому что она не смогла определить область применения.

— Значит, пока ты считаешься внешним наблюдателем, она не может тебя изменить?

— Возможно.

Левин покачал головой.

— Статус внешнего наблюдателя сам является противоречием. Андрей физически находится внутри локального узла, но математически исключён из его модели. Любая система стремится устранить такое несоответствие.

— Система не обязательно чего-то «стремится», — сказала Кира.

— Она уже создала процедуру коррекции.

— Это может быть автоматический протокол.

— Автоматический протокол и есть формализованное стремление.

— Профессор, не превращайте алгоритм в живое существо.

Левин посмотрел через стекло на белые линии восстановления.

— Боюсь, скоро провести границу будет непросто.

Я снова открыл собственную запись.

Можно ли уменьшить вероятность прекращения существования?

ДА

Как?

ТРЕБУЕТСЯ ЗАВЕРШИТЬ КЛАССИФИКАЦИЮ НОСИТЕЛЯ

— Система предлагает завершить мою классификацию.

— То есть выбрать класс? — спросила Кира.

— Пока не знаю.

Я запросил доступные варианты.

СТАНДАРТНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НЕДОСТУПНА

ПРИЧИНА: НОСИТЕЛЬ СУЩЕСТВУЕТ ВНЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ РЕГИСТРАЦИИ

ВОЗМОЖНО ФОРМИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ

— Индивидуальное описание звучит лучше, чем переписывание мозга, — сказала Кира.

— Пока не узнаем цену.

— Спроси цену.

Я сформулировал запрос.

ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ТРЕБУЕТСЯ УВЕЛИЧИТЬ ГЛУБИНУ НАБЛЮДЕНИЯ

— Нет, — сразу сказала Кира.

— Я ещё не согласился.

— Более глубокое наблюдение означает, что Система ещё сильнее залезет в твою голову.

— Или просто соберёт больше данных.

— Ты сам веришь в разницу?

Не верил.

В глубине пункта наблюдения раздался сигнал тревоги.

Не системный.

Обычный звук медицинского оборудования.

Медик резко обернулся к соседней комнате.

— У Мальцева судороги!

На экране появилась картинка из изоляционного бокса.

Мальцев лежал на кушетке, выгнув спину. Геометрический узор под кожей снова стал тёмным. Линии поднимались от груди к шее и расходились по лицу.

Рэн в соседнем контейнере вскочил на все шесть конечностей.

ОБНАРУЖЕНА НЕСТАБИЛЬНОСТЬ СИНХРОНИЗИРОВАННОГО ФРАГМЕНТА

Мы выбежали в коридор.

Женщина в форме попыталась остановить нас.

— В бокс нельзя.

— Связь с фрагментом проходит через мой интерфейс, — сказал я.

— Медицинская группа справится.

Из-за двери донёсся крик Мальцева.

На этот раз он кричал не от боли.

Он произносил слова.

Незнакомые.

Несколько голосов проходили через одно горло, накладываясь друг на друга с разной скоростью.

Рэн ударил конечностью по прозрачной стенке контейнера.

ХРАНИТЕЛЬ ТЕРЯЕТ ГРАНИЦЫ

— Что это значит? — спросила Кира.

Ответил Рэн:

ЧУЖАЯ ПАМЯТЬ СТАНОВИТСЯ ЕГО ПАМЯТЬЮ

Медик открыл дверь бокса.

— Только Андрей. Остальные ждут снаружи.

Я вошёл.

Мальцев лежал с открытыми глазами. Зрачки двигались независимо друг от друга. Один следил за людьми, второй смотрел куда-то вверх, будто потолка не существовало.

На мониторе пульс превышал сто восемьдесят.

— Седация не действует, — сказал медик. — Любое введённое вещество исчезает из крови быстрее расчётного времени.

— Система выводит?

— Или перераспределяет. Мы не понимаем.

Я активировал навык.

Модель Мальцева раскрылась.

Раньше в ней существовал тёмный сжатый фрагмент. Теперь он разворачивался, занимая всё больше связей.

ЛОКАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТНАЯ МОДЕЛЬ: 73,4%

ВНЕШНЯЯ МНЕМОНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА: 26,6%

Показатели менялись.

73,1 / 26,9

72,8 / 27,2

— Фрагмент расширяется.

— Насколько быстро? — спросил медик.

— Примерно три десятых процента в секунду.

— Через четыре минуты он полностью вытеснит личность?

— Если процесс линейный.

Мальцев внезапно повернул голову ко мне.

— Ноль.

Голос был его.

Но ударение оказалось неправильным.

— Вы меня слышите?

— Ноль. Носитель без начала.

— Виктор Сергеевич?

Его лицо исказилось.

— Это обозначение повреждено.

Другой голос прошёл сквозь первый:

— Хранилище открыто.

Потом снова неизвестная речь.

Интерфейс пытался переводить отдельные понятия.

СВЯЗЬ

ОТРЫВ

УЗЕЛ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Фрагмент пытается общаться, — сказал я.

— Это остаточная запись или самостоятельная личность? — спросил Левин из коридора.

— Пока не знаю.

— Спроси имя.

Я посмотрел на Мальцева.

— Кто вы?

Его губы растянулись в улыбке, которая ему не принадлежала.

— Вопрос содержит ошибку.

— Какую?

— «Кто» предполагает одного.

Интерфейс выдал перевод:

**ВНЕШНЯЯ МНЕМОНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОДЕРЖИТ НЕСКОЛЬКО
СВЯЗАННЫХ ЛИЧНОСТНЫХ МОДЕЛЕЙ**

— Там не одна личность, — сказал я. — Несколько.

— Сколько? — спросил медик.

Я углубил наблюдение.

Внутри фрагмента существовали слои памяти. Они не лежали отдельно, как файлы. Каждый слой включал общие события, но воспринимал их с иной позиции.

Один видел мир через электромагнитные поля.

Другой — через изменение плотности пространства.

Третий воспринимал себя не отдельным телом, а связью между телами.

Всего я различил семь устойчивых центров.

— Семь.

Мальцев закричал.

На этот раз крик перешёл в математический импульс.

Комната исчезла.

Я стоял на поверхности другого мира.

Это не было воспоминанием в человеческом смысле. Я не наблюдал картинку со стороны.

У меня было семь точек зрения одновременно.

Высоко над равниной висели структуры, похожие на прозрачные города. Их башни продолжались не вверх, а в направлениях, которые земной мозг мог представить только как изменение формы.

В трёхмерной проекции город дрожал и распадался на несовместимые изображения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.